

всепи́рная исто́рия в ро́манах

Анатолий Ильяхов

ЦИЦЕРОН

Между Сциллой и Харибдой

Всемирная история в романах

Анатолий Ильяхов

**Цицерон. Между
Сциллой и Харибдой**

«ВЕЧЕ»

2020

Ильяхов А. Г.

Цицерон. Между Сциллой и Харибдой / А. Г. Ильяхов —
«ВЕЧЕ», 2020 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8496-4

Рим середины I века до н. э. Успешный политический деятель Марк Туллий Цицерон, известный своим ораторским даром и любовью к справедливости, оказывается перед трудным выбором. Убит «диктатор» Юлий Цезарь. Между Марком Антонием и Октавианом Августом начинается кровопролитная война за власть, поэтому каждый политик Рима вынужден выбирать, к которой из враждующих партий примкнуть. Это не просто вопрос политических пристрастий. Выбрав «не ту» партию можно почти наверняка лишиться жизни, но Цицерон не хочет просто сделать ставку на наиболее вероятного победителя. Признанный борец за справедливость примкнёт к тому, кто более достоин управлять Римом. Данная книга является продолжением романа «Цицерон. Поцелуй Фортуны», ранее опубликованного в этой же серии.

ISBN 978-5-4484-8496-4

© Ильяхов А. Г., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	8
Глава первая. Растревоженный Рим	9
Лукуллов пир	9
Заговор Катилины	13
Мятежные дни и ночи	17
Глава вторая. Спаситель отечества	19
Принуждение к бегству	19
Возмездие	21
Триумф Марка Цицерона	29
Глава третья. Дела семейные	31
Туллиола	31
Супружеская жизнь	37
Глава четвёртая. Схватка начинается	40
Гражданин Марк Туллий Цицерон	40
Тайное и явное	42
Глава пятая. Знакомство с Клодиями	47
Порочная красавица	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анатолий Ильяхов

Цицерон. Между Сциллой и Харибдой

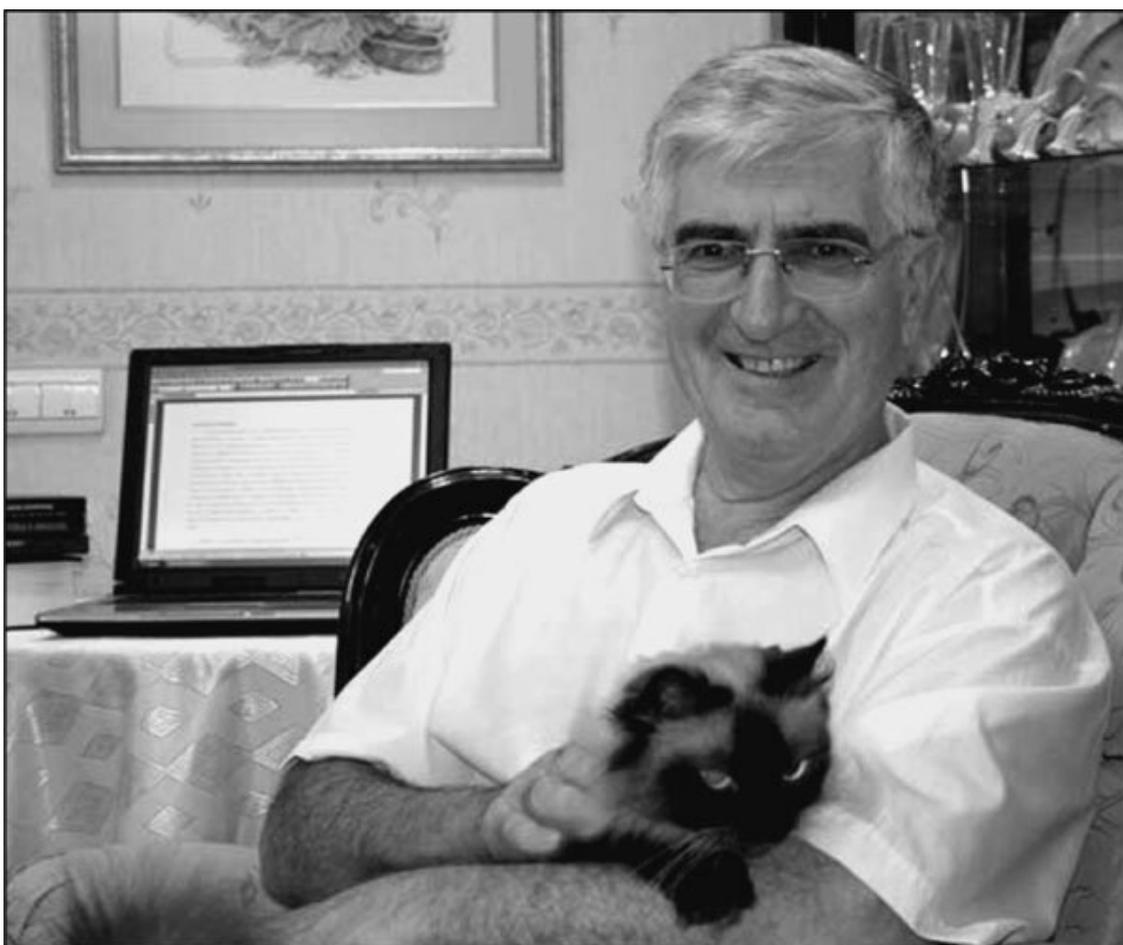
© Ильяхов А.Г., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Анатолий Гаврилович Ильяхов

Об авторе

Анатолий Гаврилович Ильяхов, автор двух десятков научно-популярных и художественных произведений, родился в 1941 году в Сочи, в настоящее время живёт в Краснодаре.

До того как получить признание в качестве популяризатора Античности, писатель, по его собственным словам, прожил «большую и интересную жизнь инженера-строителя». Успешный карьерный рост от мастера участка до руководителя крупного производственного объединения сам по себе говорит о многом. Так же как и ответственная работа по контракту в Монголии и Афганистане в сложные для СССР годы.

В юности, общаясь со сверстниками из греческой диаспоры в Сочи, Анатолий Ильяхов услышал, что их предки – переселенцы из Греции. Возникший после этого интерес к греческой истории побудил познакомиться с трудами Геродота, Страбона, других историков. Так будущий писатель узнал, что греки ещё в VIII веке до н. э. «открыли» Чёрное море для торговли с местными племенами, массово организовывали поселения-колонии. Греческие полисы появились на побережье современного Крыма и Северного Причерноморья, в том числе города-государства Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский, сосуществуя со скифами, таврами и прочими аборигенами Киммерийского полуострова.

В школьные годы Анатолий Ильяхов услышал имя Александра Македонского, воодушевился его полководческими подвигами и решил, что обязательно напишет о нём роман. Юношеская задумка стать писателем осуществилась через сорок лет, когда автор вышел на пенсию, ведь именно тогда появилась возможность перечитать собранные за всю жизнь в домашней библиотеке книги по античной тематике, переосмыслить собственные «литературные зарисовки», что велись все годы. В итоге помимо прочих трудов Ильяхов создал целых три романа о жизни Александра Македонского, каждый из которых отличается уверенной энциклопедичностью и захватывающей исторической фактологией. Даже подготовленный читатель обнаруживает в них немало любопытных сведений.

Античный мир канул в прошлое и, казалось бы, навсегда отделился от современного бытия, но для писателя Анатолия Ильяхова древние греки, эллины, остаются живыми людьми со своими особыми страстями. Эти люди были способны на крайнюю жестокость и на удивительные прекрасные свершения, отчего их поступки и достижения, как и ошибки, преподают нам бесценный урок. По мнению автора, греческий историк Фукидид верно сказал, что «все исторические явления будут повторяться всегда, пока природа людей будет оставаться той е».

Дополнительные сведения о писателе А.Г. Ильяхове можно найти на сайте ilyahov.ru

Изданные книги автора:

- Этимологический словарь. Античные корни в русском языке. 2006.
- Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад. 2006.
- Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия. 2007.
- Эросу посвящённые. Античные любовные истории. 2007.
- Афине посвящённые. Античная мудрость. 2007.
- Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления. 2009.
- Античные корни в русском языке. Этимологический словарь. 2010.
- Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое. 2012.
- Игры эллинов у подножия Олимпа. Три тысячи лет до 2014 (2012).
- Знак Зевса – роман. 2013.
- Уроки Аристотеля – роман. 2014.
- Наедине с мудростью. Древняя Греция. 2015.

- Закон и право. Словарь правоведа. 2015.
Человек и природа. Словарь эколога. 2015.
Экономика и финансы. Историко-этимологический словарь. 2016.
Наука и производство. Политехнический словарь. 2016.
Медицина. Историко-этимологический словарь. 2016.
Избранник Вечности – роман. 2016.
Философия разума. Словарь эрудита. 2017.
Античность в русском языке. Этимологический словарь. 2017.
Три чаши Диониса. Античный код современного виноделия. 2018.

Предисловие

Каждый человек живёт в реальном времени – его дальнейшее существование прикрито пластами неизвестности... Как морская волна ложится поверх прибрежного песка на пляже, так всё происходившее в прошлой истории человечества покрывается последующими событиями, чтобы исчезнуть под очередными волнами...

Время истории остановить нельзя – оно истекает подобно неукротимому горному потоку, при том что остаются имена людей, приговорённых своими деяниями к бессмертию. Марк Туллий Цицерон – один из таких людей, ставший самым влиятельным государственным деятелем республиканского Рима и до сих пор – востребованным писателем.

В природе существуют *феромоны* – особые запахи, воздействующие на эмоции, поведение и даже на обмен веществ у живых существ. Достаточно упомянуть ночных бабочек, способных «почувствовать» самку за многие километры. Учёные выявили некоторые из феромонных веществ – белую амбру, чёрный мускус, цибетин, а «феромон власти» остался неисследованным. Однако, судя по биографии героя произведения, именно под его гипнотическое влияние он и попал...

На всём пути преодоления служебной лестницы Марку Туллию Цицерону благоволила Фортуна, богиня удачи с повязкой на глазах. Она оберегала молодого адвоката от неприятностей, при великих потрясениях гражданского общества спасала от смертельной опасности. В гуще бурных событий гражданских войн линия жизни этого человека пересекалась с судьбами Суллы, Помпея, Цезаря, Антония и Октавиана Августа – главных «сотрясателей» республики.

К советам Цицерона прислушивались, просили поддержки, а он не мог определиться, с кем он, и бросал вызов всем, полагая, что его честности и добропорядочности хватит, чтобы сделать римское общество счастливым. Даже в изгнании своими призывами и увещеваниями он надеялся спасти республику, которая рушилась у него на глазах...

Удары молний поражают вершины... Марку Цицерону, по праву достигшему высоких государственных постов, в том числе почётнейшего титула «спаситель Отечества», изменило чувство меры – и Фортуна рассталась с любимцем. В конце жизни он напишет лучшему другу Титу Помпонию Аттику: *«Слепа не только Фортуна, она подчас делает слепым и того, кого ей случается сделать счастливым...»*

Глава первая. Растревоженный Рим

Лукуллов пир

Для Помпея дела на Востоке складывались настолько удачно, что о возвращении в Рим думать не приходилось. В затянувшейся военной кампании Рима против Митридата он получил то, чего давно желал – верховное командование армией. А первую победу одержал в военном лагере Лукулла, куда прибыл с посланием Сената о низложении полководца с должности командующего. Лукулл, получив распоряжение Сената, не мог понять, в чём его вина, упорствовал, грозил поднять мятеж верных легионов. Слава богам, вскоре покорился – но не молодому сопернику, а воле сенаторов, среди которых имел друзей.

Встреча Помпея с Лукуллом завершилась бурной пирушкой. Расстались без ожидаемого громкого скандала. Отставленный от командования армией на Востоке и в Малой Азии военачальник отбыл в Рим в сопровождении охраны, но унижения от Сената не забыл. А по отношению к «преемнику» чувство несправедливости тоже осталось, поскольку Гней Помпей незаслуженно отнимал у него все военные достижения, которых немало у Лукулла за восемь лет войны с Митридатом Понтийским.

И всё же полководец надеялся, что Сенат позволит римскому народу оказать ему триумфальные почести, поскольку он за это время присоединил к Риму огромные территории в Азии, переслал в казну бесценные трофеи! Но благодарности не дождался.

Причина скрывалась в противостоянии двух политических группировок. Для народной партии, *популяр*ов, он оставался ставленником Суллы Кровавого. К тому же не все военные трофеи отдавал в казну. Многие укрыл для личного обогащения, следовательно, прежний командующий – преступник, ему вместо триумфа положено уголовное преследование. Часть сенаторов требовала наказания Лукулла за ошибки в командовании, повлекшие ряд поражений в войне с Митридатом. В противовес *оптиматы* – сенаторы из аристократов – настаивали, чтобы Лукуллу позволили отпраздновать триумф.

На споры в Сенате и всяческие разбирательства в судебных комиссиях ушло почти три года, решения Лукуллу пришлось дожидаться в собственном имении за пределами Рима согласно заведённому предками порядку. И только в консульство Марка Цицерона на исходе третьего года неопределённости проблема для Лукулла разрешилась. Он получил согласие на триумфальные мероприятия.

Тысячи жителей с любопытством наблюдали за проездом боевых колесниц, захваченных войском Лукулла в сражениях с понтийцами. В цепях провели сотни плененных военачальников Митридата и союзных ему царей. По улицам Рима «плыли» на катках сто десять кораблей с металлическими носами. Чёрные рабы-силачи несли на руках золотую статую Митридата и осыпанный жемчугом его щит, ещё тридцать носилок с серебряной утварью и ещё тридцать две – с золотыми чашами, оружием и монетами. Завершали шествие сто сорок мулов, нагруженных кожаными мешками с золотом, серебряными слитками и монетами. С наступлением сумерек город озарили факельные шествия, а народ заторопился к столам, накрытым на всех площадях. Триумфатор не пожалел «ста тысяч амфор заморских вин».

И всё-таки торжества от такого «всеобщего народного праздника» Лукулл не испытал – приятно то, что своевременно.

* * *

Но Лукулл несильно огорчился сдержанностью официальных почестей. Он ведь прошёл в триумфе по улицам Рима, показав народу, сколь выдающимся он был полководцем. Рим увидел отнятые у Митридата богатства – славные свидетельства грабежа владений понтийского царя. После триумфа все ценности и рабов он передал в казну Сената. Или почти всё...

Поначалу друзья из сенатской партии предложили оставшемуся не удел Лукуллу принять на себя бремя их политического лидера. Назрела необходимость оказать противодействие Гнею Помпею в противовес его амбициям, проявленным за счёт популярности в армии и территориальных завоеваний на Востоке. Бывший командующий очень быстро получал опасное преобладание в общественном мнении. Но Лукулл отказался, сославшись на то, что ему чужды подобные устремления. Его пытались устыдить, обвиняли в неблагодарности, а он с достоинством отвечал:

– Не так страшны козни со стороны врагов, как беда, которая исходит от доброжелательства своих друзей. Мои удачи в войне с Митридатом каждый из вас приписывал себе, а вину за неудачи возложили на меня одного. Вы предлагаете мне ещё одну войну, но уже с Помпеем, вашим же ставленником. Нет, мне достаточно одной великой победы: всё остальное не более чем тщеславие!

Лукулл распорядился по-своему годами, отпущенными Небом, – жить в покое, роскоши и неге, ради удовольствия. Богатства он скопил немеряно: жители наблюдали прибытие в Рим личного обоза бывшего командующего: сотни верблюдов и мулов, гружённых тяжёлыми мешками и огромными тюками. Нетрудно догадаться, какое количество ценной добычи в них сокрыто: золота и серебра в монетах и слитках, драгоценных чаш, посуды и камней, восточных ковров, оружия, одежды и другого добра.

Неунывающий Лукулл начал удивлять римлян новым для него образом жизни, исполненным вызывающей роскоши, словно навёрстывал упущенный на военной службе время, своей непредсказуемостью деяния. После скромного походного быта увлёкся роскошью, сделал её частью личной жизни. Покупал имения и перестраивал их под свои затеи, возводил дворцы, парки и сады для развлечений, но, в отличие от других богачей, отставной полководец имел представление о вкусе, знал, на что тратить своё огромное богатство. Говорили, что Лукулл, став исключительным гурманом, для того, чтобы наполнить свои бассейны с морскими видами рыб – муренами, барабульками и прочими деликатесными рыбами, – распорядился прорыть в горных условиях канал от моря до своего имения.

Тем самым не был он похож на других полководцев, имена которых ушли в небытие. Ведь его имя осталось в истории Рима хотя бы даже небезызвестными «лукулловыми пирами»...

По праздникам, которые Лукулл часто сам придумывал, в нескольких обеденных залах просторного дворца выставялось множество столов с яствами и напитками. Приходили все, кто знал Лукулла, часто без приглашения. Во время пира хозяин возлежал на ложе в одной из столовых, где находились друзья, но обязательно вставал и перемещался по другим залам, чтобы подойти к каждому гостю и полюбезничать, поспевая везде и проявляя ко всем доброе отношение. Все пиршественные ложа у Лукулла застилалась тканями, окрашенными в ценный пурпур, что считалось привилегией только императоров и знати.

Цицерон посетил гостеприимный дом отставного полководца при неожиданных обстоятельствах. Лукулл знал, что Марк приложил немало усилий в Сенате, призывая разрешить бывшему командующему почести, положенные по закону, и при встречах источал искреннее радушие, приглашал в гости. На этот раз, уже вечером, они случайно встретились на Форуме; Лукулл возвращался из гостей, как он весело признался, после обильного ужина у старинного

друга. Как ни отказывался Марк, Лукулл уговорил присоединиться к нему, отобедать «по-семейному».

В доме Лукулла случилось вовсе неожиданное – кухонные рабы, уверенные, что хозяин «в гостях» и вряд ли захочет «перекусить» на ночь, безмятежно спали. Лукулл сильно рассердился, грозил наказать домоуправителя. Когда же выслушал сбивчивые оправдания, и того больше разгневался:

– Как, ты не знал, что сегодня Лукулл угощает Лукулла?

Дальше он изводил поваров перечислениями блюд, которые следовало приготовить особым способом, по его собственным рецептам, а также какую посуду и приборы при этом выставить на стол. Марк обратил внимание, что гостевые чаши для вина и столовая посуда, искусно изготовленные из золота и серебра, сплошь украшены драгоценными камнями. Глядя на довольное лицо Лукулла, Марк предположил, что он получал удовольствие не столько от пиршества, сколько от распиравшей его гордости – мол, это мне доступно!

Немного погодя подоспели салаты и соусы, соленая и жареная рыба, моллюски и паштет из соловьиных языков, жареная дичь. Вино, прохладные напитки, фрукты и печенье. Марк попытался протестовать, что ему неудобно занимать внимание хозяина. Лукулл с усмешкой ответил:

– Кое-что из того, что достойный Марк Цицерон видит, действительно делается ради тебя. Но большая их часть – только ради самого Лукулла!

Во время ужина хозяин признался, что любит птичек, в прямом и переносном смысле:

– В готовом и живом виде, – уточнил он, сопроводив беззаботным смехом.

Затем похвастался, что на одной вилле велел устроить обеденный зал в центре обширной птичьей вольеры, где пели и щебетали, сидели по деревьям и летали с ветки на ветку разные птицы, от фазанов до соловьёв:

– Я вкушаю изысканные блюда и люблю не только жареными и разложенными на блюде птичками, но и другими, сидящими и летающими по клетке.

Понятно, что не ради застолья Марк согласился стать гостем Лукулла, который был всего на десять лет старше. Его как философа заинтересовал не полководец, а прежде всего человек. Он постарался расшевелить хозяина стола вопросами. Спросил, почему отказался от сражений в политике. Лукулл, не раздумывая, ответил:

– После множества злключения и опасностей я нашел свой душевный отдых, когда убедил себя уже окончательно, что остаток жизни проведу вдали от должностей. Но не думай, однако, что я потрачу честный досуг в беспечной праздности. Хочу описать деяния народа римского в войнах, в которых сам участвовал. Мне показалось достойным занять место в памяти потомства. Но для этого мне необходимо чувствовать себя внутренне свободным от всяких увлечений, опасений, от всякой партийности.

Вопрос Марка задел Лукулла за живое. Он продолжил, будто оправдываясь:

– А что такое противоборство партий, Марк? Ты посещал цирк, когда в перерывах между утренними зрелищами показывают сражение привязанных друг к другу быка и медведя? Они с остервенением рвут и терзают друг друга. А в этот момент рядом поджидает случая человек, готовый прикончить обоих. То же самое делают политики, нанося удары людям, с которыми связаны. А рядом с победителем и побежденным уже проглядывает их конец, совсем близкий. Мне ведь осталось-то сколечко жить? Вот и хочу прожить эту капельку времени в мире и покое!

Марк намеренно тронул самолюбие полководца:

– Но Луция Лициния Лукулла римский народ любит. Помнит его победы над Митридатом, помнит триумфальное шествие по Риму. Разве это не признание героя?

– Вон ты куда хватил! Признание – это хвала, воздаваемая людьми. Хвала есть речь, а речь есть звук, обозначающий нечто, или голос. А голос, пусть даже и самых лучших людей, не есть благо. Значит, признание не есть благо. Я хочу каждый день чувствовать себя счастливым.

Марк горестно покачал головой.

– Никого нельзя назвать счастливым. Правильнее было бы сказать, к кому судьба благосклонна и добра, того не назовёшь несчастливым. У человека остается страх перед изменчивостью судьбы, а коли страх сидит в сознании, не бывает надежному счастью.

– Я сделал в жизни что мог и отныне хочу жить весело. Открою тайну, Марк, которую узнал от восточного провидца. Весь род человеческий обречен на смерть. Все города уничтожит какая-нибудь напасть: одних разрушит война, других истощит мир и праздность, обратившаяся в лень или роскошь – губительный плод великих богатств. Все плодородные поля скроет внезапно разлившееся море или поглотит сброс неожиданно осевшей и разверзшейся почвы. Если людей ждёт такая участь, что же мне ещё делать, Марк? Пока живу, буду жить весело.

* * *

Лукулл был слишком образован, чтобы полностью погрузиться в болото развратной роскоши. Между частыми приёмами гостей и домашними празднествами он встречался с учеными, писателями и философами, писал научные трактаты. Помимо драгоценностей и благородного металла он собрал богатейшую библиотеку, причём разрешал всем желающим пользоваться книгами – «ради пользы образования». В искусстве и культуре о нём ходило мнение как о мудром покровителе, нуждающиеся в материальной поддержке художники и поэты заполучали в Лукулле ещё и бескорыстного друга. Его покой не нарушался раздорами, обиды не держал долго, в отношениях с друзьями проявлял снисхождение и миролюбие.

Увы, казалось бы, безмятежная жизнь старика омрачилась отношениями с женой Клодией, молодой красавицей, бывшей бесприданницей. Ему донесли, что она изменяла ему... со своим родным братом Публием, которому он, по её просьбе, помог сделать головокружительную карьеру военного!

Лукулл развёлся с развратницей и женился на Сервилиии, сестре Катона Старшего, давнего друга, самого достойного из римских сенаторов. Но брак с Сервилиией оказался недолгим.

Оставшись один в преклонных годах, Лукулл целиком предался философии, «пробуждая в себе склонность к умозрению». Летом жил на небольшом острове близ материка в атмосфере света и спокойствия; зимой перебирался «в зимний дом». Однажды Цицерон оказался у него в гостях на острове, спросил, с удивлением оглядывая неприглядную на вид местность:

– Твоя вилла удобно устроена для лета, но непригодна для зимы. Чем привлёк тебя сей кусок суши среди моря?

Лукулл ответил с улыбкой:

– Разве ты не знаешь, что журавли и аисты меняют свои жилища сообразно временам года? Неужели я глупее этих птиц? Здесь я бываю только летом.

И, прищурившись, добавил:

– Ты слывёшь грекофилом, Марк, а не знаешь, что Гомер упоминал мой остров в «Одиссее». Здесь его герою пели сирены, приглашая остаться с ними.

Лукулл широко улыбнулся, показывая жёлтые зубы.

– Вот почему я купил остров и построил виллу. Надеюсь услышать их пение.

Марк поддержал шутку:

– Только не забудь привязаться к мачте, чтобы не стать жертвой их опасного обаяния.

Заговор Катилины

Одним из соперников Цицерона на консульских выборах был Люций Сергий Катилина. Родовитый патриций, предок которого, по семейной легенде, прибыл в Италию из Трои вместе с предводителем Энеем, родоначальником римлян и основателем поселения, из которого впоследствии развился Рим. Это была четвёртая попытка занять консульское кресло при поддержке влиятельных сенаторов – сулланцев – богача Марка Красса и аристократа Гая Цезаря. Уверенный в победе Катилина удивился, когда на Марсовом поле толпа с восторженными криками бросилась поздравлять Цицерона, «плебейского выкормыша», способного зарабатывать на жизнь словесным трудом. Катилина долго пребывал в глубоком унынии, воспринимая поражение случайной несправедливостью.

* * *

Невзгоды начались с неблагополучного детства. Отец обладал несколькими именьями, но, передав управление вольноотпущенникам, разорился и от огорчения умер; вслед умерла мать. Остатки семейного имущества достались старшему брату, а Сергей познал скудость детства. По этой причине, когда Италию потрясли кровавые события политических распри и гражданского противостояния, восемнадцатилетний юноша с восторгом пришёл в лагерь сторонников Суллы. В сражениях отличался бесшабашной отвагой, однако прославился необычайной для его возраста свирепостью в расправах над пленными. Получил от диктатора должность трибуна легиона, затем легата.

Катилина первый начал охоту за политическими противниками Суллы по проскрипциям. Убивал без суда. С особой жестокостью расправился с сенатором Марком Гратицианом, своим личным врагом: колот кинжалом, заставляя просить о пощаде, затем протащил живого на аркане за конём по улицам; после схватил за волосы одной рукой, другой отсек ему голову мечом, со смехом показывал «трофей» гражданам. После этого случая люди говорили, что он оправдывает свой когномен Катилина, то есть «зверёныш».

Привыкнув на войне убивать людей, в один из приездов в родовое имение, он в ссоре убил старшего брата. Заметая следы убийства, уговорил Суллу включить имя брата в проскрипционные списки задним числом как «врага римского народа». Переписав на себя имение, Катилина совершил нечто подобное с Квинтом Цецилием, мужем своей сестры, человеком абсолютно мирным, далеким от политики. Продолжая безнаказанно бесчинствовать, соблазнил *весталку*, девственную жрицу богини домашнего очага Весты. За кощунство ему грозила смерть, но вмешался Сулла: диктатору было достаточно объяснения Катилины, будто он «не совершал насилия, лишь пробовал на прочность веру отцов». Катилину оправдали, а весталку за её грехопадение замуровали в склепе, где она долго и мучительно умирала.

Интерес к девственным жрицам у Катилины не пропал. Его обвинили в кощунственной связи с весталкой, оказавшейся единоутробной сестрой Теренции, супруги Марка Цицерона. Дело передали в коллегии понтификов под председательством Катона Старшего, которая в эти дни рассматривала подобное обвинение против полководца и претора Марка Красса: его тоже уличили в совращении уже другой жрицы девственной богини Весты.

Процесс против Марка Красса инициировал консул Гней Помпей с целью помешать провести закон о восстановлении прав плебейских трибунов. Красс объяснил свои отношения со жрицей желанием купить у неё поместья, – «а святотатства себе он не позволял». К тому же должность претора давала Крассу иммунитет. Судьям этого оказалось достаточно. Вина Сергия Катилины также «не подтвердилась». Весталку освободили от обвинений, рассмотрение дела прекратили. Как позже выяснил Цицерон, для обвинительного приговора в делах Красса

и Катилины у понтификов не хватило принципиальности. Если бы их осудили, выходило, что «осквернение весталок привело бы к нарушению мира с богами и губительным последствиям в государстве».

* * *

Во время проскрипций на службе у Суллы Катилина нажил огромное состояние. Но из-за безудержного стремления к роскоши всё потерял и был вынужден вновь искать быстрых способов обогащения. В безденежье выручали друзья, давали в долг, а он снова вёл себя недостойно. В надежде на окончание чёрной полосы в жизни снова просил денег, легкомысленно брал в долг и вновь их проматывал ради роскошного существования. Не успокоился он и после смерти Суллы, продолжая бездумно тратить деньги и не задумываясь об их происхождении.

Несмотря на недавние судебные дела при поддержке друзей и воинов-ветеранов сулланцев Катилина получил выгодную должность претора. Отбыл наместником в римской провинции Африка, где снова сколотил огромное состояние. Расплатившись с долгами, продолжил безбедную жизнь. По возвращении в Рим пошёл на консульские выборы, но из-за доноса о незаконном обогащении в должности наместника, вымогательстве денег у местного населения предстал перед судом. Кое-как выпутался, затратив на взятки, подкуп судей и лжесвидетелей почти всё, что «нажил». Снова влез в долги, от которых намеревался избавиться, добившись должности консула.

Марк Цицерон, заняв курульное кресло, сломал его замыслы, среди которых главным было поправить материальное положение. Должность консула, при желании, прибыльная! А теперь надеждам конец! Страх предстать перед судом застилал уязвлённый разум. Закон требовал, чтобы суд, признав должника неплатёжеспособным, передал его одному из кредиторов. Кредитор имел право содержать должника в домашней темнице как осуждённого: в течение шестидесяти дней три раза водить в оковах к претору через весь город, чтобы услышать, какой долг за ним числится. Если родные или друзья, знакомые не погасят за него долги, или кредиторы не простят их, Катилину предадут смертной казни – разрубят на куски и отдадут на прокорм хищникам. Или продадут за пределы Рима в рабство...

Садиться в долговую тюрьму Катилина не имел желания, оттого лихорадочно искал выход. Затаился, обдумывая месть Марку Цицерону, сенаторам, народу – всему «неблагодарному» Риму...

* * *

В поисках средств на безбедную жизнь Катилина заинтересовался скандально известным законом о раздаче земли Сервилия Рулла, отклонённым в Сенате по инициативе консула Цицерона. Известно, где идёт распределение земли, у тех, кто распоряжается всем этим, появляется желание воспользоваться случаем в собственных интересах. Сергей Катилина подумал, что «если сенаторы и римский народ не приняли законопроект Рулла, он поменяет Сенат и, если понадобится, поменяет и народ». Первым делом он истребит неугодных сенаторов и прежде всего самого главного врага – Цицерона.

Катилина задумал следующее: через тайных агентов призвал сулланских ветеранов к походу на Рим. В назначенную ночь, когда римляне спали, они должны были ворваться одновременно через несколько ворот, застав охрану врасплох, и поджечь заранее отмеченные дома в разных районах Рима. Начнётся паника, а в это время запустить вовнутрь войско сторонников заговорщиков, чтобы убить должностных лиц и граждан по заранее составленному списку. После этого будет основание передать власть новым людям. Катилина получает на определённый период диктатуру и право составить новый Сенат. Народный трибун Сервилий Рулл пред-

ложит закон Катилины о прощении долгов, будь то частное лицо или казна. Кто осмелится протестовать, тому голова с плеч!

Авантюрная натура Катилины жаждала перемен, прежде всего в собственной судьбе. Он не задумывался о том, что замысел его неправомерен и может стать причиной больших потрясений в отечестве. Но таково его намерение! Он был готов на всё ради личной власти, поэтому возглавил заговор против собственного народа и Рима.

Ничего удивительного, что Катилина за короткое время собрал достаточно единомышленников, в основном из представителей обедневших родовитых семей, таких же беспринципных молодых людей, дерзких в поведении, безжалостных в расправах над беззащитными людьми. Новые друзья главаря так же, как он, имели унаследованные от отцов имущественные состояния и деньги, но из-за развратного образа жизни всё растеряли. Оттого при Сулле не брезговали убийствами богатых граждан, грабили их имущество; всё растратив, проводили время в ожидании повода для незаконного обогащения. К тому же в сообществе их притягивала таинственность сборищ, риск, оттого на все смотрели как на бодрящее душу приключение. С Катилиной рядом были и опытные военные, бывшие командиры-сулланцы, нуждавшиеся в материальном обогащении. А здесь случай – под прикрытием восстановления справедливости в распределении благ жаждали грабежей и убийств богатых сограждан.

В заговоре участвовали не люди из толпы, чернь, а представители высшего класса: одиннадцать сенаторов, пять народных трибунов, два квестора и один претор. На заговор недвусмысленно откликнулся «коллега по консулату» Цицерона – Гай Антоний и богач Марк Красс. Гай Юлий Цезарь, занимавший почётную должность верховного жреца-понтифика, судя по поведению, догадывался о существовании мятежа, но не слишком ревностно противодействовал этому и не открылся Цицерону как действующему консулу, обязанному противодействовать действиям, направленным на сожжение Рима и массовое убийство сограждан и грабежи. Как выяснилось позже, граждане из самых знатных семей приняли предложение Катилины.

* * *

Целый год римляне подозревали угрожающую опасность, особенно когда в город умышленно не завозилось продовольствие, хлебное зерно. Появлялись слухи о пропаже младенцев из благополучных семей, будто их приносят в жертву какие-то сектанты: совершая нечестивое поклонение тёмным силам, они связывали себя клятвой на крови безвинных детей. На этой же крови готовили «магический эликсир отваги». Во всех грехах римляне подозревали Катилину, но доказательства отсутствовали. Он же часто прогуливался по Форуму с беспечным видом, весело общался с друзьями. Но необычная бледность на лице и тёмные круги под глазами выдавали ночные бдения – наверное, во время тайных обрядов и обсуждений преступных замыслов...

Внимательные люди замечали, что Катилина стал ещё агрессивнее в общении. Мало кто выдерживал его пронизывающий холодом взгляд – сразу отводили глаза, у человека появлялись неприятные ощущения. Во время выступлений ораторов на Форуме или в Сенате он появлялся в окружении молодых людей, одетых вызывающе модно, все с ухоженными волосами и по моде бритые или с укороченными бородками. Они ходили в укороченных тогах, каких никто не осмеливался носить. Народ сторонился встречаться с ними, оборачивались вслед и шептались, будто Катилина с друзьями выходил ночью на улицы, чтобы грабить запоздалых прохожих. Если так происходило на самом деле, похоже, эти преступные «проделки» служили заговорщикам тренировками, подготовкой к убийству людей во время мятежа.

* * *

Пришло время, когда тайное стало явным. В лесистых горах неподалёку от города Фезулы, в Этрурии, возник военный лагерь, куда со всей Италии начали стекаться наёмники. Они говорили, что готовы идти на Рим. Кто их набирал, откуда деньги – никто не знал, если только не упоминали имена Марка Красса и Гая Цезаря. Командование нелегальным войском принял на себя Манлий, сулланский ветеран. Ему оставалось накапливать силы и ожидать тайного сигнала от Катилины.

Мятежные дни и ночи

Главный заговорщик находился в Риме, изучая настроения граждан, чтобы в подходящий момент назначить ночь для мятежа. Единомышленников собирал у себя дома редко, и то под предлогом дружеских вечеринок. Однажды Катилина призвал основных заговорщиков и сообщил точное время для поджога Рима, означавшее начало мятежа. Откровенно заговорил о том, что власть незаконно захвачена людьми, разделившими народные богатства между собой. Власть торгует должностями, богатея на нищете благородных людей. Как только самые храбрые из римлян, мятежники, выступят против власти, римский народ получит желанную свободу. Власть над Римом должна принадлежать избранным – тем, кто состоит в заговоре.

Сообщники сговорились, что Катилина распоряжается их жизнями, распределяет обязанности на время мятежа. Главарь назначил время, когда следует поджечь одновременно несколько домов в разных районах города. Катилина указал даже, чьи жилища нужно будет поджечь, назначил исполнителя, который ночью тайно откроет городские ворота и запустит войско Манлия, на прощание успокоил всех, что захват города произойдёт настолько внезапно, что жители не успеют опомниться.

В выбранную ночь наёмное войско во главе с Манлием осторожно, без шума подошло к главным воротам Рима. Остановились в ожидании знака. Но пожара не случилось. Простояли в недоумённом ожидании, пока не догадались, что никто не откроет им ворота. А когда увидели, что на стены вышли вооружённые горожане и стали кричать, чтобы незваные гости уходили, поняли: мятеж провалился!

* * *

Катилина заподозрил предательство среди единомышленников. Но кто? В чём неудача, провал. На следующую ночь собрал старших среди заговорщиков, бурно обсуждали, виновных не нашли, но договорились о том, что в следующую ночь несколько молодых людей пройдут в дом Цицерона, благо у него нет вооружённой охраны, а рабы, как правило, спят. А убить консула нужно прямо в спальне, откуда вряд ли кто из слуг услышит шум. Замысел более чем удачный – убить даже одного из двух действующих консулов означало обрушение всей государственной власти. Начнётся хаос в управлении, поиск мнений и предложений от кандидатов на досрочные выборы – чем не прекрасная возможность захватить власть?

Поручение Катилины показалось молодчикам несложным и неопасным, так как по закону двери консульского дома для посетителей должны быть открыты и день, и ночь, чтобы консул мог отреагировать на любой донос гражданина. Ночью у входной двери обычно спал невооружённый раб. Трое исполнителей затемно подошли к дому консула и увидели, что у входа стояли вооружённые люди. Пришлось отступить и продумать дальнейшие действия...

Наутро к Катилине явился посыльный от консула Марка Цицерона с приглашением – немедленно явиться в Сенат. Катилина не на шутку встревожился, но послушаться не осмелился. На скорую руку собрался и в сопровождении охраны и рабов направился в курию. Увидел сенаторов, всюду знакомые лица, но заметил, что они как-то странно смотрят на него, хмурятся и отворачиваются, не желая встречаться взглядом. Заметил необычную картину – у выхода толпились вооружённые люди, недружелюбно поглядывающие на него. Противный липкий холодок пробежал по спине...

Катилина увидел Цицерона на курульном кресле. Второе консульское место пустовало – Гай Антоний находился в Македонии. Почувствовав опасность, напустил безразличный вид и приготовился к худшему...

Цицерон обладал бесспорным правом введения чрезвычайного положения в государстве, но в тех случаях, если Рим оказывался в опасности. Причём консул без решения народного собрания ничего подобного совершить не мог. Сейчас же для этого времени у Цицерона было недостаточно, нужно принимать срочные меры, а прямых доказательств измены Катилины не было, веских и надёжных, что он имеет отношение к мятежникам! Катилина необычайно хитёр, нигде, ни при каких свидетелях он не проговорился о мятежных замыслах, на Форуме не призывал граждан к свержению власти. Если Цицерон в присутствии сенаторов затеет допрос Катилины и ничего не докажет, ему не поздоровится...

Он проследил, как Катилина прошёл к своему месту, которое обычно занимал на заседаниях. Дождался тишины и начал уверенно и резко:

– Луций Сергей Катилина, твои преступные замыслы обнаружены, твой тайный заговор раскрыт перед всеми сенаторами! Ты думаешь, нам неизвестно, что ты собрался совершить прошлой и сегодняшней ночью? Какие опасные для жизни римлян и государства принимал ты решения? Ты ошибся: ни мрак ночи, ни стены дома не скрыли твоих преступных намерений. Это по твоему злему замыслу народ в Италии напился враждой и недоброжелательностью к нам, римлянам. Ты указал, кому и куда следует направиться, наметил тех, кого из римлян оставить в живых. Ты разделил город на участки для поджога, назначил убийц для умерщвления должностных лиц Рима и твоего консула. Но ты уже ничего не можешь не только исполнить, но даже задумать! Твоё положение, Луций Сергей Катилина, безнадежно. Тебе остается одно – немедленно удалиться в изгнание. Так ты лишишься римского гражданства и собственного имущества, но избежишь смерти.

Катилина от неожиданности и удивления замер, настолько поразился тому, что только что услышал. До этого момента он надеялся, что о заговоре не знает ни один непосвящённый. Никто из единомышленников не способен на то, чтобы выдать замыслы мятежа. Тем более о намерении убить консула. Но Катилина ошибался...

Среди заговорщиков пребывал некто Курий, не в меру хвастливый и разгульного образа жизни молодой человек. У него имелась любовная связь с замужней женщиной, которая в отсутствие супруга принимала его ухаживания. В ночь после первого сбора заговорщиков он появился у неё, изрядно выпил и уже у неё в объятиях, чтобы придать себе значимости, хвастливо проболтался о готовящемся мятеже. Пообещал, что щедро одарит любовницу, так как скоро станет богатым.

Женщина вначале не придавала значения его словам, а когда вслушалась, пришла в ужас: какие-то люди убьют представителей власти, заменят на других. Она догадалась выпытать имена заговорщиков, а когда услышала, ужаснулась... Воображение живо представило горы трупов, реки крови, разорение города, и едва протрезвевший любовник оставил её постель, поспешила к консулу...

Глава вторая. Спаситель отечества

Принуждение к бегству

Цицерон догадывался, что Сергей Катилина способен на что угодно, на любую провокацию. Но представить недавнего соперника на консульских выборах в роли заговорщика не мог. И всё-таки из осторожности поручил штатным шпионам следить за каждым его шагом, ловить каждое неосторожно обронённое слово. Так что появление женщины с сообщением от любовника его не удивило. Но он поразился наглости заговорщиков, которых знал лично. Вот почему в ту ночь, когда войско Манлия подошло к городу, на стенах стояла стража. И дом консула охранялся, отчего молодчики не смогли устроить подлое убийство.

Цицерон понимал, что заговорщики не остановятся и продолжают попытки опрокинуть власть преступным путём. За руку их не поймали, есть лишь подозрения, а словам замужней блудницы никто не поверит... Как изолировать преступников, не нарушая закона? Без доказательств тяжкой вины арестовать нельзя. По этой же причине нельзя открыть уголовное дело. Без доказательства вины будет незаконным арест и сопровождение в тюрьму до суда. Подобные действия Цицерона будут восприняты как нарушение гражданских прав и свобод Катилины и его друзей-пособников.

Понадобится немало времени, пока суд на основании фактических доказательств и показаний свидетелей определит виновность Катилины... А до тех пор он останется на свободе, торжествуя собственной безнаказанностью, а следовательно, продолжит свою преступную деятельность? От безысходности Цицерона посетила подходящая, на первый взгляд, идея: он арестует Катилину – консул имеет исключительное право без суда арестовать любого гражданина по наговору в государственном преступлении, но только на сутки! А если за столь ограниченное время вина не будет доказана и Катилину отпустят, уголовное дело возбудят уже против Цицерона.

Да, он вызовет Катилину в Сенат, где неожиданно для него устроит досудебный процесс – закон позволяет! Подозреваемый будет вынужден защищаться от обвинения, отвечать на вопросы – тогда он и проявит себя. И хотя среди сенаторов у Катилины немало друзей, возможно, и сообщников, оправдаться ему будет нелегко.

* * *

Пользуясь замешательством Катилины после первого вопроса, Цицерон обрушился на него с тяжкими обвинениями. Не подбирал выражения, наоборот, создав впечатление, что знает о заговоре много, по ходу усилил натиск. Можно было подумать, будто остальные заговорщики схвачены и уже дают показания против главаря:

– Луций Сергей Катилина, твои тайные замыслы раскрыты! Твои люди, посаженные нами на цепь, предали тебя, признались, что ты организатор заговора. А пока расскажи, зачем так поступил с нами, что делал прошлой ночью и накануне. Кого ещё призывал к мятежу и убийствам мирных граждан? Говори, а мы послушаем, не вводишь ли в заблуждение, поскольку нам и так всё известно! Где предел необузданных дерзостей твоих?! Говори, не злоупотребляй нашим терпением!

Цицерон видел сенаторов, по их лицам было заметно, что они сильно удивились и теперь замерли в ожидании услышать страшное обвинение. Некоторые растерялись, не понимая, как поступить дальше. В глазах Катилины отразился ужас; по бледному лицу текли ручьи пота...

– О времена, о нравы! – воскликнул Цицерон, артистично воздевая вверх руки. – Сенат и консул знают о заговорщиках и главаре мятежа, а главарь до сих пор не арестован, не осужден и, главное, ещё жив! Мало того, он, как ни в чём не бывало, продолжал являться в Сенат, участвовать в обсуждении важных государственных дел, а сам тайно замыслил предать смерти тех из нас, кого считает неудобным для своего чудовищного замысла – разрушения республики! А мы сидели рядом с ним спокойно, воображали, что всё делали для спасения государства!

Цицерон возвысил голос до такой степени, что лица сенаторов, кто ещё сомневался, посе­рёз­не­ли:

– И вы, сенаторы, и я, ваш консул, не предпринимаем ничего, чтобы обезопасить республику от гибели, уготованной Катилиной с заговорщиками. Спасти Рим, римский народ и себя самих от заговорщиков-убийц! Это случится, если мы не осудим преступных действий Катилины, если уклонимся от наказания за покушения на нашу свободу!

Цицерон перевёл дух и, не снижая накала, решительно заявил:

– Сенат и консулы способны укротить вредного для государства гражданина. Мы намерены, Катилина, отправить тебя на смерть, обратить твою голову на гибель.

До того момента Катилина ещё надеялся на то, что слова консула не предназначены лично ему, что это фарс, выпад политического противника, что всё обойдётся, поскольку у Цицерона нет доказательств. Но консул, словно издеваясь над его сомнениями, продолжал:

– Уважаемые сенаторы! Пока мы медлим и не осуждаем заговор против республики, лагерь врагов, поддержавших Катилину, находится недалеко от Рима, в Этрурии. Со дня на день растёт число неприятелей Рима, а их вдохновитель находится среди нас, продолжая каждый день вредить республике, которая его приютила как любимого своего гражданина. Вот он – преступник, которого сейчас мы видим как равного среди нас внутри священных стен Сената.

Марк указал на Катилину правой рукой, словно пригвоздил к скамье.

– Вот главарь заговорщиков, уважаемые сенаторы! Вот организатор мятежа против граждан Рима и республики! – Он перевёл дух. – А теперь я спрашиваю вас, сенаторы, почему Катилина ещё живой, каждый день имея какой-либо гибельный замысел против нас? Почему мы медлим, надеемся на признание вместо того, чтобы немедленно казнить преступника?

Цицерон, говоря это, не отводил глаз от растерянного лица Катилины, умело добивая его с неистовством:

– Катилина, тебе до сих пор сходили с рук убийства, притеснения и ограбления населения городов, союзных с Римом. Если бы я распорядился, Катилина, тебя схватить, казнить, никто бы не упрекнул меня в излишней жестокости! Римляне выразили бы только недовольство, что я поздно принял решение. Но я отправлю тебя на казнь, когда не останется ни одного римлянина, который не согласится, что это сделано совершенно законно. И вот моё решение: знай, что я не намерен переносить, чтобы по твоей вине отечество пребывало в сотрясении. Вследствие этого, Катилина, оставь наш город: ворота сейчас открыты – уезжай.

Сенаторы с возмущёнными криками повскакивали с мест, кричали в лицо Катилине с неподдельным возмущением:

– Убийца!

Катилина, не терявший хладнокровия по природной наглости, сидел под шквалом него­ду­ю­щих криков, затем вскочил, растерянный и опустошённый. Не выдержав позора, опустив голову, выбежал прочь мимо расступившихся стражников.

* * *

Назавтра стало известно, что в ту же ночь Луций Сергий Катилина оставил Рим. На это и рассчитывал консул Марк Цицерон, ибо добровольным бегством главный заговорщик признал свою недоказанную никем вину...

Возмездие

С утра Форум кипел. Римляне заговорили о консуле как о человеке, способном действовать решительно и, главное, своевременно. В атмосфере всеобщей признательности Цицерон, используя благоприятную для себя ситуацию, взошёл на ростры, откуда произнёс проникновенное обращение:

– Римский народ, не знаю, как и сказать: изгнал я Луция Катилину, или он ушел сам. Будет вернее, он удалился, ускользнул от вашего справедливого гнева. Исчез перед натиском неопровержимых доказательств о готовящемся им преступлении, что предъявил ему я, ваш консул. Одно нам ясно, что в Риме больше нет вашего врага, желавшего вам смерти...

Захватив внимание толпы, Цицерон в подробностях изложил, как ему удалось проявить бдительность, выявить главаря и тем самым предотвратить кровавый мятеж против республики. После торжествующей речи консула у римлян не оставалось сомнений, что заговор действительно готовился, и Катилина, будучи инициатором, вовлекал в него единомышленников из жителей Рима. Но люди понимали, что опасность существует до тех пор, пока не выявлены все заговорщики. Они с надеждой смотрели на консула как на спасителя. Второй же консул, Гай Антоний, занял выжидательную позицию, вызывая у Цицерона подозрения в поддержке заговора против республики.

* * *

Тем временем Катилина, испытав перед опасностью ареста естественное состояние растерянности и страха, направлялся к военному лагерю сообщников в Этрурию. К полудню спохватился и уже сожалел, что совершил непростительную ошибку – попросту попался «на крючок» красноречивого Цицерона. Катилина клял себя за оплошность: вчера перед сенаторами он ни словом не обмолвился, не признался в организации заговора, в чём его обвинил консул. Ведь Цицерон так и не произнёс ни одного имени якобы задержанных заговорщиков, не привёл ни одного случая измены республике... Одни только догадки! А он, Катилина, вместо того чтобы защитить своё честное имя, позорно сбежал, что означало признание обвинения Цицерона...

К тому же закон требовал соответствующих процедур – это Катилина был обязан помнить. Прежде нужно, чтобы консул подал заявление о возбуждении уголовного дела в придачу с доказательствами причастности Катилины к преступлению. Даже сейчас, когда обвиняемый в бегах, закон позволяет избежать судебного расследования до его добровольной явки на суд. Так что неизвестно, что получится из затеи Цицерона...

Цицерон предполагал, но мало надеялся на неожиданное исчезновение из Рима главного зачинщика мятежа. А тут – свершилось, и это отразилось на росте популярности консула Марка Цицерона. Но не приходилось рассчитывать на то, что Катилина успокоится, он рождён, чтобы сеять зло. Он слишком расчётлив и коварен, этот враг Рима, при поддержке наёмников постарается добиться задуманного.

С той ночи, как Катилина бежал, встревоженные римляне ежедневно приходили к Сенату и на Форум. Требовали от консула подробностей о заговоре, дальнейшего расследования и поиска других преступников. Марк успокаивал, убеждал, что сделает всё возможное и не допустит мятежа. Говорил о Катилине:

– Он похож на опаснейшую ядовитую змею! Дотронешься – ужалит до смерти. Как себя обезопасить? Если змею схватить посредине, она тоже ужалит, а если же схватить её за голову, тогда с ней можно справиться.

Хотя консул успокаивал граждан, обещал принятие охранительных мер и призывал успокоиться и не бояться новых заговоров, страх не оставлял сердца римлян. Всё имело основание, так как в городе оставались сообщники Катилины, они притаились и ждут нового приказа главаря. А имена их до сих пор неизвестны! На улицах редко слышались радостные возгласы, не устраивались торжества и публичные развлечения, прекратились показы спектаклей в театре и цирковые представления. Римляне посещали храмы, совершали жертвы и молили богов о защите их жизни и покровительстве Риму. А на другой день люди опять обращали взоры к консулу Марку Цицерону, гаранту законности и порядка...

* * *

Оказавшись под надёжной защитой вооружённых наёмников Гая Манлия, Катилина продолжил подготовку к захвату Рима. Он отправлял тайных гонцов с письмами к влиятельным сенаторам, где подробно объяснял своё участие в подготовке мятежа. Ссылался на то, что Цицерон оговорил его, а он не желал зла римскому народу и теперь вынужден защищать своё доброе имя. В каждом письме Катилина писал о своих намерениях настолько открыто и бесстыдно, что сомневаться в его преступлении не приходилось. Знал бы он, что люди, которым приносили его воззвания, остерегались даже брать, словно некую заразную вещь, и немедленно отсылали их с рабами к консулу. И консул, обнаружив, что среди сенаторов мало осталось сочувствующих Катилине, повёл себя чрезвычайно решительно.

Отдельным эдиктом объявил жителям Рима об установлении нового порядка в городе. Призвал молодёжь в особый отряд патриотов, нацеленных на ликвидацию скрытых врагов отечества, распорядился вооружить из казённого арсенала, назначив своего командира. Поручил оберегать жилые дома от поджогов и грабежей, организовал охрану храмов и общественных зданий и порядка на улицах, днём и по ночам. Позже выступил перед народом:

– С этого дня у вас есть защитники. Они добровольно взяли в руки оружие, чтобы отражать любые нападки врага не оставляя города, находясь среди вас. Молитесь, квириты, за здоровье ваших защитников и верьте моим словам: положение преступных сообщников Катилины безнадёжно!

Но из Этрурии приходили тревожные сообщения. Катилина отказался от повиновения представителям законной власти Рима, объявив себя консулом с диктаторскими полномочиями. Издал первый свой *эдикт*: «Я отменяю действующую власть в Римской республике», заявив, что для обеспечения уже своих «законных» прав скоро войдёт в Рим. И войско у него оказалось достаточно многочисленное, поскольку он подстрекал к возмущению жителей Этрурии, недовольных безземельем, бедностью и преступными действиями наместников.

Цицерон не сообщал гражданам о реальной опасности, своих тревогах, но думал, как предотвратить катастрофу. Он понимал, что притаившиеся в городе заговорщики скоро проявят себя, едва узнают о подходе к городу наёмников Катилины, нанесут удар неожиданно.

Но оказалось, что с возникновением опасной ситуации Цицерон проявил себя с решительной стороны, чего раньше не замечал за собой. Он вставал чуть свет и подолгу сидел в домашнем кабинете, читая письма встревоженных граждан и сообщения осведомителей из окружения Катилины, часто забыв о завтраке. Принимал всех, кто сообщал о людях, поддерживающих Катилину. С этой же целью направлял своих людей в города Италии и провинции, анализируя полученные сведения и делая выводы.

* * *

Обескураженные бегством своего главаря сообщники не оставили своих намерений, рискнули остаться в Риме. Затаились, выбрав новых предводителей – Гая Цетега и Публия

Лентула: первый – квестор, проявивший себя особой жестокостью против населения Испании, другой – бывший правитель Сицилии в должности претора. Оба из родовитых семей, по распущенности имели огромные долги, отчего были готовы пойти на любое преступление, лишь бы вернуться к прежней роскошной жизни. Зря времени не теряли, часто выступали на сходках, где подстрекали народ на проявление недовольства, призывая к расправам над представителями власти. И всегда называли имена некоторых сенаторов, противников Катилины, и особенно часто – консула Марка Цицерона, открыто требуя их устранения насильем, обвиняя в том, что это они способствовали появлению заговора.

Для координации действий заговорщики собирались в доме Цетега, где прятали оружие и составы для поджогов. Катилина знал об этом, слал им письма; в одном предложил начать пожары в Риме и учинить избиение граждан, проживающих в заранее обозначенных домах, но в ту ночь, когда он подойдёт с войском. Дату укажет позднее.

Но Катилина не учёл, что для «новых заговорщиков» он уже не представлял интереса как лидер с того дня, когда сбежал, предав их. У Цетега имелся собственный замысел. В случае успеха он не думал делиться славой с Катилиной. Наблюдая за действиями Цицерона, Цетега отмечал слабые места и спешил. На сборах с заговорщиками требовал проявить решительность в действиях.

Он назначил мятеж в самом начале праздника Сатурналий, когда консул и сенаторы утрачат бдительность, а народ будет беспечно веселиться. Торжества в честь бога Сатурна продлятся семь дней, когда в домах устраивают праздничные столы, а родным и друзьям вручают подарки – для заговорщиков самая что ни на есть подходящая ситуация!

Как оказалось, консул не зря содержал тайных агентов, хорошо платил за каждую новость, признавая ценной любую подозрительную сплетню. Соглядатаи Цицерона негласно наблюдали за настроениями римлян, прислушиваясь к каждому разговору на улицах. Поэтому Цицерон знал и о замыслах Гая Антония, о том, что коллега по консульству знает о собраниях заговорщиков, но прибегает к притворству, опровергая любые подозрения.

Марк Цицерон знал о настроениях среди сенаторов, что некоторые из них ожидают прихода Катилины. Из-за чего не стал ждать, начал действовать. Экстренно призвал граждан на Форум, где пообещал, что с помощью богов сделает всё, чтобы не допустить новой гражданской войны. Народ поддержал консула, а он, уловив общее настроение, заявил, что в таком священнейшем и важнейшем органе власти республики, как Сенат, есть люди, желающие реализации заговора. Их целью является уничтожение честных законопослушных граждан. Об этом говорил Цицерон, выступая с речью перед народом, но имён дальновидно не называл, зная, что толпа, призывая его к откровенности, готова растерзать любого, на кого он укажет. Цицерон ни на кого не указал, но в Сенате предупредил, что у него больше нет желания терпеть ничьего двуличия.

Возможно, речь разгневанного консула подействовала на умы сенаторов, так как все впервые стали возмущаться Катилиной, называли «врагом отечества», требовали от консула сурово наказать преступника. Цицерон пошёл на хитрый шаг – предложил сенаторам, чтобы они поручили второму консулу, Гаю Антонию, возглавить войско и выйти навстречу наёмникам Катилины и таким образом предотвратить захват Рима. Кислая гримаса второго консула, Гая Антония, откровенно указывала на то, что подчинился он воле Сената с явной неохотой...

Рим замер в тревожном ожидании мятежа. В эти дни из Галлии появилось посольство союзного племени *аллоброгов*: они жаловались на римского наместника, просили отозвать за непомерное мздоимство и поборы. Главарь мятежа Цетега и Лентул воспользовались их появлением, тайно встретились с послами, обещая аллоброгам всяческие блага за их военную поддержку. Передали письмо для вождя племени с предложением поддержать мятеж, захватить в назначенный день Рим. Послы письмо приняли, но содрогнулись от опасной затеи, и на другой день отправились к консулу Цицерону.

По совету консула аллоброги продолжали вести переговоры с Цетегом и Лентулом, каждый раз получая новые сведения о замыслах мятежников. Затем Цицерон предложил послам запросить новое письмо к вождю, уже с подписями верхушки заговорщиков. Цетег и Лентул исполнили требование послов, после чего письмо оказалось в руках консула.

Марк Цицерон действовал решительно. Уличённых участников заговора арестовали в одну ночь у них в домах. Консул немедленно призвал сенаторов на внеочередное заседание, где известил с радостью, что заговор раскрыт, участники арестованы и под тяжестью улик сознались в преступных действиях...

Наутро римляне слышали от глашатаев, что несколько известных граждан задержаны и находятся в тюрьме. Но суда над ними ещё не было. Народ на Форуме требовал от консула объяснений. Тревожило сообщение, что римляне содержатся в тюрьме без оформленного по всем правилам доноса и без предварительного расследования и судебного процесса, как требует римское законодательство.

Как адвокат Марк Цицерон понимал своё положение. Если он не оправдается, уголовное преследование грозит уже ему. В толпе находилось достаточно людей, убеждённых в том, что консул напрасно наговаривает на политических противников, даже из личных интересов. Народ потребует доказательства вины арестованных, а не рассуждения об опасности, нависшей над отечеством. Выход один – объяснение.

Марк Цицерон разразился речью, из которой даже сомневающимся стало понятно, кем и как готовился мятеж, о чём вели переговоры с аллоброгами и что ожидает римлян в случае победы Катилины. Цицерон не забывал повторять, что заговор раскрыт благодаря его прозорливости и решимости. У него спросили, почему позволил Катилине скрыться, благодаря чему он угрожает Риму. Разве нет его вины?

– Я сделал разумный шаг, – уверенно ответил консул. – Если бы Катилина остался в городе, заговор не раскрыли бы так безопасно для граждан. Что касается нашей победы, не следует сомневаться – консул Гай Антоний с легионами идёт навстречу Катилине. Моя же задача – не допустить развития ужасных событий в городе.

Завершил он речь пафосно:

– Я не требую от вас, квириты, ни памятников, ни знаков отличия в свою честь. Прошу лишь помнить о том, что я для вас сделал, и защитить меня и семью, если случится непредвиденное.

На следующий день консул опять призвал сенаторов в храм Согласия, где предложил немедленно решить судьбу пособников Катилины, поскольку арестованные заслуживают смерти. И умолк, так как высшее должностное лицо не имеет права влиять на ход обсуждения и принятие решения сенаторами.

Сенаторы понимали критичность ситуации – или сейчас осудить арестованных, или передать дело в суд, как требует закон. Кто-то соглашался признавать арестованных граждан виновными, к тому же они сознались, но приговорить к смерти не решались. Ждали обсуждения и голосования.

Первым выступил Юний Силан, недавно избранный консулом на следующий год, что придавало ему юридическую защищённость. Без обиняков он осудил преступников и сразу предложил казнить за злодейские замыслы. Только лишить жизни через удушение, ибо по иному закон запрещал убивать гражданина. Желавших обсуждать его предложение или высказывать иную точку зрения не оказалось. Приступили к голосованию.

Кто соглашался с Силаном, поднимались и вставали рядом с ним, остальные – напротив. Неожиданно поднялся Гай Юлий Цезарь, молодой человек, избранный на следующий год претором. В Сенате он значился в новичках, хотя с недавних пор к его выступлениям прислушивались. На похоронах сестры отца Цезарь заявил: «Род мой, Юлиев, восходит к бессмертным богам, от богини Венеры»...

Начало противоречило сказанному Силаном, но Цицерон невольно напрягся, ожидая неприятности:

– Пожалуй, я соглашусь с Силаном, что подобное преступление наказывается смертью. И всё же советую отцам-сенаторам не спешить. Когда вы думаете о спорных вопросах, отрезитесь от ненависти, дружбы, гнева и сострадания. Дух с трудом различает истину, если ему мешают чувства и страсти. Римляне вознесены слишком высоко, чтобы нам позволять лишать их жизни не считаясь с законом. В этом смысле я обязан указать на незаконность такого решения, ведь общеизвестно, что смертную казнь свободнорожденному римлянину выносит только народ на собрании, и то в порядке обсуждения судебного дела и общим голосованием. Если мы с вами примем сегодня своё решение, народ Рима будет говорить не о преступлениях заговорщиков, а о том, как их наказали не по закону.

Цезарь на мгновение умолк, словно подготавливая сенаторов к тому, что они услышат дальше, и продолжил, веско бросая каждое слово:

– Я предлагаю не сразу лишать их жизни, а предоставить право мучиться всю оставшуюся жизнь. Дайте преступникам пожизненное заключение с конфискацией имущества, запретив в дальнейшем добиваться смягчения наказания.

Марк Цицерон поймал себя на мысли, что не удивлён предложению Гая Цезаря. Он высказывает здравые мысли и доводы, уместные в данном случае, не противоречащие гражданской позиции приверженца республики. Но в многословии молодого сенатора почему-то угадывается тайное желание – сохранить жизнь преступникам, оказавшимся под стражей благодаря его, Цицерона, усилиям! Гай Цезарь или их соучастник, или его завистник. Если принять это явно двусмысленное предположение, отдалённая смерть для преступников покажется им не наказанием, а, скорее, избавлением и возможностью насладиться свободой...

Судя по вниманию, с каким слушали Цезаря сенаторы, его выступление становилось опасным для замысла консула:

– Разве не существуют у нас другие законы, которые предписывают, чтобы осужденных граждан не лишали жизни, но отправляли в изгнание? Зачем убивать сразу, а не сечь плетью долго и больно?

Цезарь с грустью в голосе напомнил о жестоком времени диктатуры Суллы, когда убивали людей, действительно преступных и как будто заслуживающих смерти. Но это стало началом великих бед для многих римлян. Затем сенатор посмотрел на Цицерона и придал голосу примирительную интонацию:

– Я не опасаюсь этого в консульство Марка Туллия Цицерона и вообще в наше время. Но кто гарантирует, что подобное не случится при другом консуле, у которого в руках будут послушные ему легионы, когда какое-нибудь ложное обвинение выдадут за истину? А когда, опираясь на сегодняшний пример беззакония, консул обнажит меч, кто укажет ему границы дозволенного законом? Кто его остановит?

Марк Цицерон понял, что слова Цезаря способны изменить настроение сенаторов. Речь выстраивается не ради жизни для преступников – он метил в консула Цицерона! Блеснула догадка: Цезарь – тайный покровитель Катилины!

От неприятного предчувствия в груди Цицерона сдавило, стало трудно дышать... Было ясно, что никто из сенаторов не догадывался об истинных намерениях Цезаря, полагая, что молодой коллега обеспокоен лишь возможным нарушением закона и предостерегает консула как знатока римского права и сенаторов от легкомысленного решения! Как только подобные мысли посетили сенаторов, они вместе с Силаном стали отказываться от прежнего намерения поддержать Цицерона.

Марк Цицерон с ужасом наблюдал за происходящим и ничего не мог поделать. На всех заседаниях в Сенате консул исполнял обычные обязанности председателя – открывал и закрывал заседания, следил за соблюдением выступлениями ораторов и процедурой голосования.

Но он не имел права навязывать другим своё мнение. Слушая Цезаря и с горечью наблюдая за меняющимися настроениями сенаторов, Марк не мог ни кого-то поддержать, ни кому-то возразить.

Однако, если не вмешаться, лихорадочно думал он, ситуация для республики сложится чрезвычайная, необратимая, а в таких случаях консул обязан совершить то, что считает необходимым, принимая ответственность на себя. Если следовать предложению Цезаря и оставить преступников в тюрьме до их естественной смерти, ни в одном городе Италии не найдётся условий для надёжного содержания преступников такого уровня. В каждом городе найдутся сторонники, они предпримут меры по их освобождению. И Катилине с наёмным войском нетрудно вырвать сообщников, сидящих в любой тюрьме. А если на очередных выборах победят сочувствующие им люди, им тоже захочется вытащить преступников из тюрьмы. И никто им не помешает! Нет, допустить такое нельзя! Выход один – сегодня предать их казни!

Заседание Сената проходило при открытых дверях. Люди толпились в проёмах, а кто расположился дальше, с нетерпением спрашивали, к чему ведёт голосование. В толпе находились как сторонники Катилины, так и те, кто желал ему смерти. Все чего-то ждали...

Цицерон понял, что, если не вмешаться, случится самое ужасное – преступление останется ненаказанным. Он резко поднялся и поднял правую руку, что означало остановку голосования. По залу пронёсся ропот удивления и недовольства. Консул заговорил, предупреждая любые возражения:

– Я благодарю тебя, Гай Цезарь, за то, что проявил заботу об авторитете консула и Сената. Я действительно готов жертвовать собой, своей жизнью ради того, чтобы жила и процветала Римская республика. Именно по этой причине я исправляю нарушение, которое непозволительным образом случилось в начале обсуждения вопроса о наказании преступников.

Заметив удивление на лицах сенаторов и Цезаря, поспешил сказать главное:

– Первым выступил Юний Силан; он предложил предать снисходительной смерти заговорщиков, признавших вину. Гай Цезарь говорил, что желает им жестокого наказания, как он считает, вечную муку – поместить в тюрьму пожизненно, отняв у них последнее утешение – надежду. Что лучше подходит для Рима – вам принимать решение, уважаемые сенаторы, в связи с чем вы будете голосовать по двум предложениям, поступившим от Силана и от Цезаря. Но если кто из вас оставит преступникам жизнь хотя бы и в темнице, подумайте, что вы скажете римскому народу, как вы будете оправдываться перед гражданами тех городов, кто, по вашему замыслу, будет содержать заговорщиков до конца их жизни.

Консул объявил имена арестованных: главные заговорщики – Лентул, Цетег, Габиний, Статилий и Цепарий. Известны ещё четверо, но они успели сбежать из города, пока арестовывали первых.

– Мы схватили только верхушку! А сколько их осталось в городе? Они ждут момента, чтобы спровоцировать толпу и освободить арестованных. Нельзя тянуть с приговором! Если жалеете разбойника или пирата, не забывайте об их жертвах, сенаторы!

Поднялся не успевший проголосовать Катон. Сенаторы замерли от чрезмерного внимания и услышали негромкий голос:

– Вы голосуете не за жизнь или смерть преступников, а за то, чтобы спасти от них свои жизни. Даже если арестованные консулом лица ещё не совершили преступления, при случае они непременно совершат задуманное.

Повернувшись в сторону Цезаря, Катон говорил не отводя строгого взгляда.

– Ловко и искусно ты, Гай Цезарь, изложил суждение о жизни и смерти. Только забыл сказать, что, когда Рим сгорит, а римляне погибнут, некому будет обращаться в суд. Мы утратили способность понимать истинное значение слов: раздачу чужого имущества называем щедростью, наглость преступника – мужеством. И вот когда нам предоставляется возможность защитить отечество, мы почему-то рассуждаем о милосердии к преступникам. Пока мы будем

жалеть нескольких преступников, не погибли бы все честные люди. Увы, ошибка будет для нас роковой.

Если во время изящной речи Марка Цицерона сенаторы учтиво покачивали головами, слова же Катона восприняли с оживлением. Его дед Катон Цензор, известный политик и писатель, с завидным упорством обличал засилье аристократии в Сенате и судах и всеобщий упадок морали. Римляне помнят его слова: «Карфаген должен быть разрушен!»... Его правнук характером ему не уступал: подростком оказался с воспитателем на Форуме, где увидел человеческие головы, грудой сваленные у ростр. Мальчик застыл от ужаса и громко спросил у воспитателя:

– Кто убил столько людей?

Стоявшие рядом люди оглянулись, а наставник зажал ему рот и прошептал на ухо:

– Так приказал Сулла. Бойся его!

И увёл подростка подальше, а тот спросил его с гневом:

– Почему люди позволили Сулле убить себя? Дай мне меч – я хочу убить этого Суллу.

Вероятно, по этой причине Катон Младший с детства редко улыбался, выглядел задумчивым, при этом неудержимо стремился к знаниям, любил философию, выделяя труды Платона, и мог переубедить в диспуте любого оппонента. Познакомившись с Марком Цицероном, часто с ним спорил, не сдавался, даже если оказывался не прав. В общении с близкими по духу людьми Катон блистал меткими фразами; Марку понравилось выражение: «Если присмотреться, то окажется, что основная часть жизни многих растрачивается на дурные дела, немалая часть – на безделье, а вся жизнь в целом – вообще не на то, что полезно». В душе у Катона словно горел внутренний огонь, который воспламенял каждого, кто слышал его. Никакая опасность не могла его остановить, никакая угроза – сломить. Видя зло, он бросался в бой, не заботясь о том, кто ему противостоит и насколько сильны оппоненты.

По этой причине, выслушав Катона, участники заседания поняли, что пришло время голосовать за смертную казнь. Сенаторы будто спохватились, стали на сторону Силана, оставив растерянного Цезаря в одиночестве. Даже родной брат Цетеги поддержал смертную казнь. Поняв в итоге, на чьей стороне победа, сенаторы тесно окружили консула, выражая ему восхищение и благодарность. При этом Марк Цицерон по недовольному лицу Гая Цезаря понял, что приобрёл ещё одного лютого врага...

* * *

Поздно вечером консул Цицерон, исполняя обязанности, вслед за факелоносцем и двумя свидетелями спустился в нижнюю часть тюрьмы. Ступени уходили вниз на двенадцать футов и отовсюду были виды каменные стены, прикрытые мрачным сводом; грязь, потёмки и смрад составляли мерзкое и страшное впечатление; в нос ударило труднопереносимое зловоние...

Марк не был готов встретиться с этим отвратительным и ужасным миром. Приподнятое настроение разом исчезло, он едва справился с собой, чтобы не возвратиться немедленно на свежий воздух. Он передал указ главному палачу, и тот приступил к исполнению, отведя вместе со свидетелями в соседнее помещение Лентула, патриция из прославленного рода Корнелия, когда-то облечённого консульской властью. Палач удавил его первым, накинув петлю на шею... Подобным же образом расстались с жизнью Цетег, Сталий, Габиний, Цепарий...

Когда Цицерон поднялся из тюрьмы к народу, уже была глубокая ночь. Люди не расходились, желая узнать, что с арестованными. Консул поднял правую руку, и немедленно установилась тишина, которую будто разорвали его слова:

– Они мертвы!

Площадь наполнилась восторженными криками одних людей и возгласами разочарования – других, судя по всему, сочувствующих участникам заговора. Оставшись без главарей,

они ушли, стараясь не привлекать внимания, потому что в их душах поселились растерянность, страх. Друзья же и сторонники Марка Цицерона, радостно приветствуя, окружили его и тесной гурьбой сопроводили до дома. По дороге радостно выкрикивали: «Рим спасён!», «Цицерон наш спаситель!».

Народное шествие по ночному городу с горящими факелами сравнимо лишь с триумфальным проходом полководца, выигравшего жестокую битву с врагом. Услышав шум, жители близлежащих домов выбегали навстречу. Осознав, что тот самый заговор подавлен и что Рим избежал смуты и кровопролития, присоединялись к толпе и орали приветствия своему спасителю.

Триумф Марка Цицерона

Удивительное единодушие сенаторов по поводу казни главарей заговорщиков и, самое страшное и непредсказуемое немедленное исполнение приговора, разрушило уверенность сторонников Катилины в успехе, а следом посеяло панику в лагере наёмников. Военачальник Манлий узнал, что его воины покидают лагерь в основном по ночам.

Накануне сражения с наёмниками Катилины консул Гай Антоний «заболел» и передал командование своему легату – Марку Петрею, и тот одержал полную победу. Катилина погиб под ударами мечей. Обнаружив его труп под грудой наёмников, Антоний велел отрезать голову и отправить в Рим – показать Марку Цицерону и сенаторам, что слухи об участии второго консула в заговоре не подтверждаются...

Торжества по случаю разгрома опасного врага длились в Риме три дня и три ночи. В Сенате прошло торжественное заседание, на котором мудрейший Марк Порций Катон, избранный трибуном, от имени римского народа предложил присвоить Цицерону почётный титул «Спаситель Рима» или «Отец нации» – на выбор. До этого дня такого звания никто из римлян не имел.

Ни одного голоса «против». В ответной речи Цицерон скромничал:

– Ничего героического я не совершил, а если совершил что-то, вызывающее одобрение римского народа, то в пределах священных обязанностей консула. Я не совершил ничего без совета Сената, без одобрения римского народа. И прежде я на рострах защищал республику, в Сенате – народ, объединяя народ с Сенатом.

На свою беду Цицерон воспринял титул «Отца нации» как подлинное признание собственного участия в разгроме готовящегося мятежа, не подумав, что приобрёл несчётное число завистников и недоброжелателей. А всё потому, что восхвалял себя при всяком удобном случае, и даже без повода. Где бы ни выступал – перед сенаторами, на Форуме, гражданских сходках или в судах – он обязательно напоминал слушателям о своей победе над Катилиной, призывая благодарить его, и только его. Он мечтал о славе, вкусил её и не мог ею насладиться. Вёл себя как актёр, которому благодарные зрители рукоплещут за отлично исполненную роль. Марк жаждал восхвалений, упивался ими, не замечая, что даже друзья смотрят на него с неодумением и в то же время потакают его такой слабости. Но упоение собственной славой стало выглядеть совсем неприлично и смешно после того, как он заявил:

– Я думаю, что среди венцов славы великих римлян, таких как Сципион, победивший Ганнибала, Эмилиан, разрушивший Карфаген, и Павел, сломивший могущество Великого Македонского царства, найдётся место и для моего золотого победного венка.

После разгрома заговорщиков Цицерон на самом деле долго ещё считал себя героем, спасшим Рим, о чём мечтал с детства. Гордился, что не в пример римским полководцам, стувившим тысячи жизней ради своей победы, утопивших в море крови народы, он спас Рим «не облачившись в доспехи», а мудро – речами. И казнил-то всего пять человек, после того как вина их стала очевидной, после того как они сами признались в преступлении. И не он сам, а суд Сената приговорил всех к смерти. Разве это не чудесно, не удивительно, не великолепно, когда оружием его стали не копьё и меч, а ум и слово?

В самовосхвалении Цицерон дошёл до того, что призывал римлян почитать великим праздником дату казни заговорщиков как «День спасения Отечества», чтобы праздник «встал в памяти потомков рядом с днём основания Рима». Мечтал, чтобы, «как римляне причислили Ромула к богам, так и нашлось бы некоторое место в благодарной памяти потомков так же и тому, кто этот самый... город сохранил», то есть Марку Туллию Цицерону. Однажды он написал письмо учителю и другу, Посидонию, на Родос, предложив «описать по-гречески подвиги римского консула Марка Цицерона в раскрытии и подавлении заговора». Благо мудрец учтиво

отказался, сослался на занятость. Получив отказ, Марк сел за труд и написал «Записки о моём консульстве», по-гречески, затем по-латыни «Историю моего консульства», отдав сочинения торговцам книгами, чтобы сделали копии и продавали в греческих и римских городах.

Будучи по натуре философом, в самовосхвалении Марк, однако, забыл мудрую заповедь: «Когда великий человек долго обращает на себя всеобщее внимание, это делает его менее интересным». Но за это его не осуждали. Большинство римлян понимали служение Отечеству в духе, в каком воспитывались с детства. Дело обстояло именно таким образом, оттого даже молодой сенатор Гай Юлий Цезарь после провала в Сенате неожиданно заявил на заседании:

– Триумф и лавры консула Цицерона достойнее триумфа и лавров полководца, ибо расширивший пределы римского духа предпочтительнее того, кто расширил пределы римского господства.

Глава третья. Дела семейные

Туллиола

В канун очередных январских календ Цицерон сложил полномочия консула. Срок для него сложился с кровавым оттенком, но Рим не обрёл желанного успокоения, напротив, время пришло смутное, полное неопределённости и ожидания чего-то для римлян очень страшного...

Казалось бы, бескорыстное служение Марка Цицерона на высшей государственной должности принесло ему заметное повышение имущественного состояния. Умеренный в запросах, бывший консул, *консуляр*, бросил вызов собственным принципам – купил у того самого богача, Марка Красса, огромный дом на Палатине, в самом престижном квартале города, заплатив, по слухам, три с половиной миллиона сестерций, что вызывало у простых римлян и его противников помимо справедливой зависти и гнева немало вопросов.

Разоблачений по этому поводу Марк не боялся, а кто интересовался, отвечал, что залез в имущество жены, да ещё занял у клиента, которого спас от тюрьмы и позора. Окунувшись в среду высшей римской знати, Марк испытывал огромное желание владеть жилищем сообразно высокому положению. Не задумывался, где и сколько добудет денег, отдаст ли долги, когда речь шла о приобретении ценной мебели, посуды, уникальных греческих статуй богов.

Он действительно опрометчиво просил кредиты у всех, кто имел деньги, даже у своей жены Теренции, но одалживал в основном у друзей. Брал и брал, чтобы немедленно купить то, что присмотрел, и переносил безденежье весело. Помпоний Аттик тщетно журил друга за неосторожное отношение к долгам, а Марк отшучивался. Если Аттик отказывался давать деньги, неугомонный друг обращался к его дяде – богатейшему ростовщику Цецилию. Аттик приходил в ужас, так как знал о грабительских процентах родственника. Однажды Цицерон занял восемьсот тысяч сестерциев даже у Гая Цезаря, хотя терпеть его не мог! В этом случае удивительно то, что Цезарь дал столь крупную сумму без надежды на возврат. На все уговоры Аттика образумиться Марк отвечал с улыбкой:

– У меня столько долгов, что я бы рад вступить в какой-нибудь заговор, как некоторые наши знакомые, чтобы заполнить ещё кредиты!

Но, сколько ни одалживай, строгие законы требовали возврата кредиторам денег с наступлением календ каждого месяца. В эти дни Цицерон благоразумно укрывался в дальней загородной вилле, предоставляя верному *диспенсатору* – управляющему домашним хозяйством и прислугой, своему вольноотпущеннику, до хрипоты спорить с требовательными кредиторами. Нередко в «сражениях» принимал участие секретарь Тирон, умевший убедить разгневанных посетителей не подавать в суд, а подождать, когда у клиента появятся деньги. Отводил беду от дома Марка Цицерона.

Огромные затраты и заботы об устройстве дома, расположенном в живописном районе Рима, оправдались – всюду роскошь, удобство для работы и вообще для пребывания в нём. Палатинский холм утопал в зелени, по тенистым аллеям среди всевозможных цветущих кустарников и диких роз мирно прогуливались жители. Отсюда просматривались Форум, Капитолий и другие публичные места, дома представителей знаменитых старинных семей. Роскошное соседство грело самолюбие Марка от одного сознания, что он живёт среди римской аристократии. И надеялся жить счастливо и дальше...

* * *

Пока Марк занимался карьерой и политикой, он заметно отдалился от семьи, но только не от дочери Туллии. Любил её с появления на свет, называл нежным именем Туллиола и восторгался, наблюдая, как она вышагивает пухленькими ножками по дому, звонкоголосо смеётся и шалит. Он радовался каждому движению девочки, первым словам, проводил с ней досуг. Туллиола врывалась в кабинет отца, когда он что-то писал или читал, взбиралась на колени и дальше уже мешала работать. Он не сердился, слушал её лепет, нежно обнимал и целовал пухленькие щёчки, испытывая великое счастье. Как правило, в такие моменты оставлял занятия и занимался дочерью: рассказывал о Греции, о мудрецах, богах и героях мифов и легенд.

В его консульство Туллиоле исполнилось тринадцать лет. Она не оставила привычку приходить к отцу в кабинет, когда ей вздумается – сядет рядом и смотрит, как он работает или пишет письма. Она выросла, и он читал ей уже не мифы, а стихи греческих поэтов или записи своих речей для предстоящих судебных заседаний, объяснял правовые казусы, случавшиеся в практике, при этом уверенный, что его речи недоступны детскому разуму. Если дочь заставляла отца за письмом Помпонию Аттику в Афины, она требовала, чтобы он передал от неё привет. От подобных «выходок» отец приходил в восторг и умиление, с удовольствием исполнял любую её просьбу. И она его обожала, он казался ей самым умным, самым лучшим, самым необыкновенным человеком на всём свете.

Личиком, телосложением девочка была очаровательна, росла в родительской любви, с детства требуя к себе внимания и уважения – качества, свойственные знатным римлянкам. Марк непременно рассказывал друзьям при случае, что с дочерью забывает любые заботы, но никому не признавался, что, если ему приходилось оставлять Рим по делам дольше чем на один день, начинал тревожиться за её здоровье, мучился догадками и непременно грустил. По этой причине едва ли не каждый вечер писал письма «самой сладкой дочери», своему «солнышку», а наутро отправлял с рабом-посыльным, чего бы то ему ни стоило.

Желая дать дочери отличное образование, Цицерон нанимал учителей по всем наукам, обычным для римлянок, прививая восхищение и любовь ко всему прекрасному, знакомил с искусством Греции и Рима. Всё шло Туллии на пользу – у неё проявилось дарование отца «всё схватывать на лету». А ещё она не по годам проявляла необыкновенное остроумие, пробовала сочинять стихи о пастушках, овечках и нимфах. Помимо всего неожиданно увлеклась совсем неженским делом – атлетической гимнастикой. Отец нанимал дорогостоящего искусного тренера из греков, чтобы присматривал на занятиях, через день давал уроки. Со стороны любящего отца не существовало запретов или ограничений, он желал, чтобы дочь напоминала ему образованнейших афинянок, к примеру, Аспасию, супругу мудрейшего правителя Перикла. Он никому не говорил, но втайне мечтал увидеть Туллию среди ораторов или философов. Для этого имелось основание: жена Гнея, Помпея, музицировала, знала геометрию и «привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов». Дочь оратора, Гортензия, с кем Цицерон сражался в судах, произносила речи не хуже любого образованного римлянина. «... Я с каждым днём нахожу в Туллии всё больше своих черт, свои слова, свою душу», – написал он Аттику, не зная, радоваться этой схожести или огорчаться.

Теренция, наблюдая усердие супруга в воспитании дочери, в суть не вникала, но однажды спросила с раздражением:

– Приобщая нашу дочь к мужским занятиям, к чему ты её готовишь – к замужеству или к разврату?

Супруг «отразил нападение»:

– Теренция! Не покажись мне Ксантиппой, глупой и сварливой женой Сократа! А он говорил, что в семейном воспитании нет ничего более ответственного, чем образование самого

себя и своих ближних. Я намерен обучать дочь не только грамоте и математике, но ещё сообщить целый ряд других знаний. К примеру, привить навыки к рисованию, помогающему определению физической красоты.

Теренцию не устроило объяснение мужа, она привычно вступила с ним в спор:

– Я не пойму, зачем моей девочке вникать в философию, учиться размышлять и заумно говорить о простых вещах? Ты надеешься, что её красноречие понравится мужу и новой родне?

– Теренция, услышь меня разумом! – вскипел Марк. – Философия приучает разговаривать с самим собой, а это великий дар и великое искусство. Их следует постигать с детства – что мужчине, что женщине, следует научиться делать наилучший выбор между добром и злом и наилучшим образом его использовать. Люди нуждаются в руководстве со стороны философии, так как именно она призвана открыть им высшее благо!

С взрослением Туллия хорошела, обнаруживая нежный и кроткий нрав, при этом поддерживала отца в его стремлении дать дочери достойное образование, отчего разногласия супругов в отношении её воспитания проявлялись всё чаще. Теренция могла ревновать даже за его излишнюю самозабвенную любовь к «малышке». Одно огорчало – несмотря на увлечение физическими занятиями Туллия часто простужалась и почему-то с трудом выходила из болезненного состояния. Тогда она чувствовала себя несчастной, проявляла раздражительность или, ещё хуже, впадала в депрессию, словно прислушивалась к себе...

* * *

Марк уже не раз задумывался о том дне, когда в дом придёт какой-то чужой мужчина и уведёт Туллию от родного очага под свою опеку. Мальчики в играх заявляли о своей мужественности с четырнадцати лет; девочки достигали половой зрелости в двенадцать лет. В римском обществе наблюдался упадок семейных добродетелей, нравы насаждали свободную любовь и сексуальную распущенность. В эту пору для родителей важно было прежде всего целомудрие дочерей и подготовка приданого.

Дом Цицерона посещал Гай Кальпурний, представитель знатной плебейской семьи. Его предок Луций Кальпурний – автор первого закона о преследовании взяточничества. Когда Туллии исполнился всего годик, Марк устроил семейное торжество, пригласил Кальпурния вместе с другими гостями. Гость подарил ей амулет в виде двух рук, соединённых в рукопожатии, из золота, на золотой цепочке, и повесил на шею девочки. В ответ она... улыбнулась. Кальпурний со смехом обратился к Марку:

– Прибереги эту славную девочку для моего малолетнего наследника. Породнимся?

– Не возражаю, – ответил Марк так же шутливо.

С той поры Кальпурний не забывал посещать дом Цицерона, беспокоился за Туллиолу, когда дело касалось её здоровья. Детские врачи – исключительная редкость для римлян, а его домашний врач, вольнонаёмный грек, разбирался в детских недомоганиях. В таких случаях Кальпурний отправлял своего грека к девочке, который советовал Теренции, как пеленать ребёнка, как подносить к груди и как определять качество грудного молока; сколько времени полагается спать, какой режим должна соблюдать кормящая мать или кормилица. Грек возмущался, если узнавал, что плачущему ребёнку, чтобы успокоить, давали грудь. Требовал кормить младенца регулярно и только днём, возражал против искусственного кормления.

Когда Туллия вошла в подростковый возраст, Марк поручил её рабыне-гречанке, чтобы прислуживала и заодно учила греческому языку. Следил за тем, чтобы с девочкой «правильно» говорили на латыни – если с детства слушать неправильную речь, потом будет трудно переучиваться.

* * *

При встречах Кальпурний и Цицерон часто говорили о политике, придерживаясь схожих суждений, что Римская республика погибнет, если вовремя не принять меры. Но какие принимать меры для её сохранения – развивать демократию, внедрять олигархическую форму правления или возвращать царей, монархию, не знали. Из-за этого спорили, обоих настораживало, что в городах Италии затаились многочисленные заговорщики Катилины. Их немало, поэтому угроза мятежа по-прежнему существует...

Цицерон пригласил к себе Кальпурния провести очередной досуг в беседах. Разместились в *атриуме*, где ожидал обед с мясными блюдами, рыбой и десертом со сладким вином. От фонтана, вырезанного из цельного куска голубого мрамора, доносился умиротворяющий шорох падающих струй. Уловив в госте благостное настроение, Марк на правах хозяина пригласил его к беседе:

– Сенат нуждается в обновлении. Но что происходит сейчас? Сенаторами становятся люди, которых римляне совсем не знают, кто недавно переселился в Рим из провинции. Они обзавелись роскошными домами в центре города, подкупая всех и вся по каждому поводу и мешая добропорядочным римлянам, не столь богатым, но честным, попасть в Сенат.

Кальпурний согласно закивал головой и поддержал Марка:

– Я тоже не могу равнодушно наблюдать, как «новые римляне» рвутся к власти, обладая единственным преимуществом – огромным состоянием. А мы же знаем происхождение их богатства? Оно добыто грязными руками путём убийства добропорядочных граждан, занесённых в проскрипции по их же доносам! Я называю таких сенаторов «дурными гражданами», поскольку озабочены они не могуществом отечества, а собственным обогащением.

Кальпурний прервал высказывание, переключив внимание на жирную перепёлку. Цицерон подождал, затем осуждающе сжал тонкие губы и подхватил его мысль:

– Ты прав, Гай! На первых порах они убивали добропорядочных римлян, отбирая у них имущество, а сейчас стремятся занять «хлебные» должности в государстве. Вспомни Верреса.

Кальпурний к этому моменту прожевал кусок птицы и успел высказаться:

– Но как остановить обогащение преступников из Сената? Ведь всем должно быть ясно, кто крадёт из казны, откуда по этой причине ничего не доходит до народа!

– На мой взгляд, более всех наживаются откупщики налогов, а договоры с ними заключают главы сенатских комитетов. Одни с готовностью дают взятку, другие с удовольствием берут. А откупщик обязательно соберёт с населения сумму в размере взятки да ещё накинет за свои «труды». Вот и получается, что в виде определённых законами налогов в казну население отдаёт откупщику сумму, часто вдесятеро превышающую начальную! Когда население не способно выплатить долги сразу, откупщики требуют от проконсулов помочь военной силой, что тоже незаконно. Нетрудно догадаться, что при всей демократичности и гуманности нашего законодательства республика так долго не протянет. Не так ли, Гай?

Гость не успел ответить. Он сидел напротив арочного входа, перевитого побегами жёлтой розы, любимого цвета Теренции. Неожиданно в атриум, будто бабочка, впорхнуло юное белолицее создание с необычными для римлянок светлыми золотистыми волосами, сочетающимися с контрастирующими карими глазами. Туллия! Щёки алели пятнами, словно подкрашенные винными дрожжами; глаза шаловливо подведены сурьмой, губы подкрашены растительной краской – девочка только что «похозяйничала» у зеркала в комнате матери, пока та отдыхала в спальне. Обнаружив гостя, девочка исчезла из виду.

Кальпурний давно не видел дочь Марка. Разглядев юную прелесть, он прервался на полуслове и произнёс:

– Я намерен потребовать от тебя исполнить обещание, Марк.

В тот день Цицерон и Кальпурний сговорились о свадьбе. Не беда, что жених не видел невесту – отцы знали что делали. Римляне в таких случаях шутили: «Лошадь, осла и быка осматривают, прежде чем купить; женщина – единственная вещь, которую берут не глядя». Марк имел право выдавать дочь замуж, тем самым уступая отцовскую власть чужому мужчине. Гай Кальпурний обладал правом женить сына – для продолжения рода.

Через несколько дней молодым устроили встречу в доме невесты. Сын Кальпурния, Пизон, показался Туллии милым молодым человеком. Правда, он ходил медленно, вразвалку, и Цицерон не удержался:

– Пизон, ходи как мужчина!

Будущий зять не оскорбился, даже попытался ходить решительнее, большими шагами, что выглядело забавно. Туллия тихо рассмеялась, а Пизон смущённо улыбнулся. Отец наблюдал за дочерью, убедившись, что его Туллиола не отвергала юношу, успокоился. Кальпурний Младший имел репутацию порядочного и доблестного человека, в Риме его знали как начинающего политика, подающего надежды...

* * *

Помолвка состоялась при согласии сторон. Отец жениха посылал в дом Цицерона повивальную бабку, чтобы осмотрела невесту. Таков порядок, убедиться, способна ли она к исполнению супружеских обязанностей и деторождению. Непорочность тоже важна, поскольку в день свадьбы девушка вместе с приданым приносит супругу «нетронутый цветок целомудрия как плод невинности юной души». Недаром девственность по праву и по достоинству – самая угодная порука всем мужьям, ибо всё прочее, что получает муж в приданое, возвращается: отсчитал деньги, отослал слуг, недвижимость уступил, из дома съехал... Одну только девственность, раз получив, нельзя вернуть, так что из всего приданого она одна навек остаётся у мужа...

Свадьба состоялась нероскошная, но и небедная; гостей с обеих сторон набралось достаточно – кто хотел поздравить молодых, тот явился. О приданом договорились при помолвке, с участием ближайших родственников и должностного лица муниципалитета вдесятером подписали брачный контракт. Когда Пизон увозил Туллию в свой дом, Цицерон подошёл к зятю поближе и прошептал:

– Береги мою дочь, будешь мне любимым сыном. Радей о ней, как радел я. Заботься со вниманием, ласковым сделай привычное слово. Для молодой жены всяческий повод для участия хорош, ведь она привыкла к обращению нежному.

В свои четырнадцать лет Туллия без труда вошла хозяйкой в супружеский дом. Мужу не перечила – нельзя же идти против человека, за кого сам отец выдал. Наладила неплохие отношения с новой роднёй, терпеливо выслушивала советы свекрови, хотя часто не исполняла. Правда, в делах семейных упорно отстаивала собственную позицию, не стесняясь в резких выражениях. Но если сердилась, вмиг отходила, не упорствовала. Много прощала – отцовский нрав...

* * *

Расставшись с любимой дочерью, отец не мог привыкнуть, что её нет под крышей его дома. Он чувствовал себя опустошённым, с тревогой ждал чего-то ужасного и непредсказуемого. Своими думами поделился с Аттиком, который немедленно откликнулся с возмущениями.

– Марк, дорогой, ты зря страдаешь, радуйся счастью дочери! Много мучает нас больше, чем необходимо; многое преждевременно, а многое из-за того, что по правде мучиться не сле-

дует. Ведь страдаем мы в основном от подозрений. Беда случится или не случится, а пока её нет, рассчитывай на лучшее. Лишь бы ты имел здоровое тело, лишь бы не томила тебя болью забота. Вот верное мерило!

Супружеская жизнь

Теренция охотно распоряжалась семейным имуществом: как собственным приданым, состоявшим из нескольких доходных домов в центре Рима и лесным массивом в Тускулане, так и собственностью мужа – домами, виллами, имением и родовым поместьем. Успевала уделять внимание дочери, заботилась о здоровье младшего сына, Марка, родившегося за три года до консульства Цицерона. Отец обожал сына, но... после дочери.

В начале семейной жизни отношения между супругами складывались достаточно ровные, наверное, оттого, что вникать в проблемы ведения домашнего хозяйства Марк отказывался по причине занятости. После рождения второго ребёнка характер у Теренции изменился: если она намеревалась что-нибудь сделать или купить, настаивала и делала по-своему, нередко вопреки мнению супруга. Марк, не приемля скандалов, предпочитал не отвлекаться от своих дел, и постепенно отдалялся от жены и своего влияния на неё. Хотя, справедливости ради, со стороны Теренции причина крылась в ревности из-за излишней, по её мнению, любви к Туллию... Поэтому она поступила как настоящая замужняя римлянка, *матрона*: «Хорошая жена умело повелевает мужем, подчиняясь ему...»

Одна из наиболее любопытных особенностей той эпохи состояла в том, что богатые римлянки ради собственной финансовой свободы не стеснялись извлекать доходы от покупки имущества на одних торгах ради перепродажи с выгодой на других аукционах – любимое занятие римлян, или же давать кредиты гражданам под огромные проценты. Для таких «процентщиц» главным мерилем успеха были деньги, а не совместная с супругом семейная жизнь. Марк поздно это понял, однажды уличив Теренцию в мотовстве и хищении денег из семейного бюджета. Как выяснилось позже, заботясь о личном состоянии, она сознательно разоряла Цицерона!

Как правило, женщины подобные Теренции, не могли выступать в подобных делах от своего имени, приходилось прибегать к посредничеству какого-нибудь ловкача вольноотпущенника, не упускавшего и своей выгоды. Их ремесло состояло в том, чтобы быстро обогатиться за счёт очередной богатой женщины, как правило, не очень умной. У Теренции был такой Филотим, её бывший раб. Получив вольную и занявшись денежными делами хозяйки, он быстро разбогател, прикупил дом и собственных рабов, обзавёлся собственными вольноотпущенниками, которые работали его агентами. Ловкий в делах и не особо щепетильный в расчётах, словом, проныра. По совету Теренции Цицерон вначале пользовался услугами Филотима, хотя каждый раз обнаруживал в нём плута, и каждый раз жена защищала своего вольноотпущенника.

Однажды Цицерон поймал Теренцию на том, что она без его ведома потратила шестьдесят тысяч сестерциев из приданого своей дочери, другой раз уличил в том, что она утаила от него две тысячи сестерциев из семейного дохода. Когда такое случалось, Марк возмущался и огорчался, а Теренция переходила в наступление, убеждая в его неправоте, прибегнув к верному женскому средству – увёрткам. Она плакала, подолгу не выходила из спальни в ожидании, пока муж смягчится и успокоится, понимая, что женские слезы действуют безотказно, они и камень расплавят! После ссор он делал вид, что простил Теренцию, они мирились, но со временем недоверие возрастало. Пережитое он держал в себе, но однажды пожаловался Варрону, опекуну Теренции. В ответ услышал в утешение:

– У всех народов мужчины властвуют над женщинами, и только у римлян они властвуют над мужчинами. Могу дать совет от Сократа: «Женские пороки или исправь, или терпи: исправишь – жена твоя будет лучше, а стерпишь – лучше будешь сам».

Варрон залился смехом, будто шуткой облегчил семейную жизнь сразу всех мужчин в Риме.

Марк запомнил совет, оттого в дальнейшем старался снисходительно терпеть подобные проделки Теренции. В этой ситуации его устраивало, что она не мешает заниматься любимым делом – приобретать антикварные вещи, писать письма и сочинять речи. Но когда выпадал случай, из мужской мести высмеивал её излишнюю религиозность:

– Ты зря тревожишь богов молитвами, когда просишь того, чего они не могут тебе дать. Ты и так уже получила от них много, но всё тебе мало! Не лучше ли довольствоваться тем, что имеешь?

Теренция не любила слушать рассуждения мужа по этому поводу, сердилась. Оттого не слишком любезно принимала его гостей, беседующих неуважительно о богах. Её раздражали посещения младшего брата мужа, Квинта Цицерона, что доставляло страдания Марку, за то, что Квинт безбоязненно высказывал вольные суждения о богах.

С годами своенравие Теренции усиливалось, а отношение к домашнему хозяйству наполнилось равнодушием. Марк терпеливо сносил её придирки и потому, что постоянно нуждался в деньгах – на пополнение и без того обширной библиотеки, покупку новой мебели, подлинных статуй и картин из Греции.

Почёт граждан, ораторская слава Цицерона, успехи в судебных процессах – к этому Теренция не проявляла интереса, но помогала мужу деньгами и связями, понимая, что тем самым она оказывается женой одного из самых известных и уважаемых людей в Риме.

В первые десять лет она так и поступала, но позже, оценив собственную значимость в пополнении семейной казны, по многим вопросам перестала советоваться с мужем. На ухудшение отношений повлияло приданое Теренции, стоимость которого в несколько раз превосходило состояние мужа. Поскольку у неё не было братьев, а сводная сестра стала весталкой, после смерти отца к приданому добавилось семейное наследство, приносящее ей доход. Не зря греки в таких случаях говорили: «Не на приданое, не на знатность, не на красоту свою следует полагаться жене, а на озабоченность – чем привязать к себе мужа: на любезность, добронравие и уступчивость, и качества эти проявлять каждодневно не через силу, как бы нехотя, но с готовностью, радостно и охотно». Ничем подобным Теренция не отличалась...

* * *

С раннего утра Теренция отдавала распоряжения домашним слугам, затем уединялась в косметической комнате, заполненной принадлежностями богатой замужней римлянки – зеркалами, гребнями, сундучками и ларцами с украшениями. Повсюду стояли амфоры разнообразной формы и цветовых оттенков, флаконы и чаши из керамики, серебра и золота – всё для хранения духов, цветочных эссенций, бальзамов и мазей; дорогая посуда для чудодейственных составов и лечебных настоек. У стены возвышался массивный мраморный стол на бронзовых «львиных лапах», заваленный флакончиками и чашами. Аромат благовоний, мазей и эссенций наполнял воздух в комнате.

Когда Теренция задумчиво всматривалась в ручное зеркало – начищенный до блеска бронзовый диск, – она видела отражение, увы, не прежней светловолосой улыбчивой девушки с озорными глазами... Пятнадцать лет замужества и роды не прошли даром: лёгкая походка осталась в прошлом, прежний блеск глаз исчез...

Зеркало безжалостно выдавало мелкие морщинки у глаз, поблёкли щёки... Если не следить за внешностью, супруг в недалёком будущем увидит вместо жены безобразную старуху... Допускать нельзя, благо для этого существуют всякие лечебные составы, к тому же старательные рабыни...

В последние годы Теренция пользуется ночными масками для лица на основе масла миндального ореха и парного молока молодой коровы. Душистая мазь из льняного масла и молочного жира неплохо разглаживает морщины. Для придания коже белизны служанка усердно

натирает госпоже лицо, спину, грудь и руки меловым порошком со свинцовыми белилами. Однажды знакомый торговец принёс ещё более верное средство из Египта – пудру из высушенных экскрементов нильского крокодила. Один раз в месяц Теренция прибегает к массажу лица чудной мазью из селитры и киновари, которая возвращает лицу едва ли не девичью свежесть. Чтобы глаза выглядели эффектнее, замужние женщины веки подкрашивали шафраном.

Если Теренция готовилась выйти в город, к кому-то в гости, обязательно принимала длительные ванны с лепестками роз, их она специально выращивала в домашнем саду. В дополнение ко всему супруга Цицерона посещала общественные термы, где в общении со знакомыми женщинами проводила досуг; заодно, пользовалась услугами специальных рабов, умевших удалять волосы с любой части тела – волосы накручивали на прочную нитку и резким движением выдергивали или долго тёрли пемзой. После довольно болезненных процедур Теренция чувствовала недомогание, кружилась голова, а тело требовало ароматических мазей и духов с запахом розы, вербены и лимонника...

Служанки Теренции ежедневно готовили для госпожи кремы и мази; деревянными ложками и шпателями тщательно смешивали ингредиенты. Однажды Марк, просматривая греческий трактат, выписал для жены: «Маленькие улитки, высушенные на солнце на черепицах, затем истолчённые в порошок и разведённые отваром из бобов, представляют собой средство, способное сделать кожу женщины белой и нежной». Она потребовала от слуг, чтобы в саду собрали улиток и сделали отвар. Особой пользы для себя не заметила, за что обругала мужа. Хотя, возможно, это были не те улитки...

Теренция с детства имела веснушки, которые проявлялись каждой весной. Лекарь-*фармакон*, торгующий в лавке у Форума, посоветовал «эликсир», в состав которого вошли чечевица, родосский мёд, ячмень, укроп и, для аромата, выжимка цветков миртового дерева. Но предупредил, что делать это нужно при убывающей луне – тогда будет результат.

От подобных занятий и увлечений Теренции супружеский дом благоухал дорогими духами и ароматными эссенциями из Египта, Азии и Востока. Траты на косметические процедуры и средства её не заботили, хотя за одну унцию платила четыреста динариев – месячное содержание одного легионера! Главное для неё в эти годы было поддержание быстро убывающей привлекательности...

Глава четвёртая. Схватка начинается

Гражданин Марк Туллий Цицерон

Нельзя утверждать, что Цицерон настоял на казни заговорщиков без сомнений и угрызений совести. Он сожалел о том, что сограждане пошли не по пути добродетели, а дорогой зла. Ведь они тоже называли себя патриотами, по-своему любили отечество. А попали в мрачное царство Аида, где «люди с огненным обличем бросились на них, связали по рукам и ногам, накинули им петлю на шею, повалили наземь, содрали с них кожу и поволокли по бездорожью, по вонзающимся колючкам». Марк поделился своими переживаниями с другом – Катон Младшим, а тот вознегодовал:

– Разве мы не видим злодеев в золоте и пурпуре? Мы наблюдаем грешников всюду – они богаты, довольны, окружены раболепием и мирно оканчивают дни в своей постели, оплаканные домашними. А где кара небес? Где боязнь наказания за грех? Страх наказания богов или ужас преисподней удерживает человека от совершения зла!

– А ещё грешник пусть задумается о раскаянии, – глубокомысленно произнёс Марк. – Я сейчас подумал о преступлении Верреса. Ни раскаяние, ни угрызения совести не пришли к нему после суда, как ожидалось от него. А нераскаявшиеся преступники, подкупая суд людской, должны помнить, что они не уйдут от суда богов. Очевидно, что Верресом овладело безумие, которое сопутствовало его злодейству и привело к моральной гибели как гражданина республики. Вот я о чём!

* * *

Цицерон успешно вёл адвокатскую деятельность. Ему довелось защищать бывшего наместника Галлии Гая Пизона, обвинённого в убийстве галла. Адвокат отвёл обвинение, ссылаясь на исполнение своим подзащитным закона при исполнении должностных обязанностей. Памятным оказался процесс против Луция Мурена, только что избранного очередным консулом, – «за домогательство должности незаконными путями», иначе – подкуп избирателей. Главной проблемой защитника явилось обстоятельство, что обвинителем выступил «идеально честный римлянин» Катон Младший, о котором Цицерон однажды высказался, что «ведет он себя так, словно находится в идеальном государстве Платона, а не среди подонков Ромула»...

Против Катона испробованные ранее Марком методы защиты представлялись невозможными. Цицерон начал с достоинств... обвинителя, что Катон – «самый лучший, самый воздержанный, самый справедливый, самый твердый. Словом, он – само совершенство, выше которого даже вообразить ничего нельзя»... Цицерон хочет не исправить его, а только направить. Но как? Можно было бы, если бы у Катона «добродетели смягчались прекрасным чувством меры».

– Ну, а если ты ошибся, Катон? Ты заявил в Сенате, что привлечёшь к ответственности кандидата в консулы Мурена. Но произнёс в гневе, все видели, а мудрец не поддается гневу! Я полагаю, что для тебя, мудрого человека, милосердие казалось прекраснейшим чувством, и ты можешь судить о проступках человека, которого осуждаешь, не в порыве гнева и раздражения.

Цицерон выстраивал речь в защиту Мурены, опираясь только на чувства Катона. Говорил о его мудрости и принципиальности, которая «обязывает не уступать своей симпатии к кому

бы то ни было, не прощать чьей-либо вины». Вот почему адвокат уверен, что Катону не свойственно милосердие, которое возможно лишь у неразумных и легкомысленных людей.

Люди на Форуме, следившие за сражением ораторов, поняли, какую игру ведёт адвокат, смеялись. Катон в ответ тоже усмехался:

– Римляне! Консул-то, оказывается, изрядный шутник!

Цицерон обращал внимание судей на сосуществование нескольких законов, принятых в разные годы, о домогательстве должности, из-за чего предложил отрицать подкуп Муреной избирателей. А значит, кандидат в консулы не совершил ничего противозаконного.

Суд оправдал Мурену, а Цицерон обратился к огорчённому Катону шуткой:

– Я уверен, друг мой, жизнь, время, зрелый возраст сделают тебя мягче.

Цицерон взялся защищать всадника Гая Рабирия, человека пожилого, по обвинению трибуна Тита Лабиена из окружения Гая Цезаря. Рабирию грозила смерть за то, что... тридцать семь лет назад он якобы убил мятежного трибуна Луция Сатурнина. Для Цицерона трудность защиты заключалась в том, что Рабирий предстал перед специально назначенными судьями – Гаем Цезарем и Луцием Цезарем. В случае вынесения приговора преступник подвергался казни «по обычаю предков» – избивали палками и отрубали ликторским топором голову.

Гай Юлий Цезарь принял участие в процессе как заинтересованное лицо. Он добивался контроля над Сенатом. В случае доказательства вины Гая Рабирия влияние сенаторов на принятие законов ослаблялось. Цицерон опровергал все доводы обвинителя и доказал, что «Рабирий совершил убийство не римского гражданина Сатурнина, а заговорщика Сатурнина». Невзирая на злобные выкрики сторонников Цезаря, адвокат продолжал доказывать суду, что убийство оправдано государственной необходимостью.

– Вы ждёте пояснений, по которой причине я взялся защищать Гая Рабирия? Ему угрожает смертельная опасность, и я вижу в этом достаточно вескую причину для исполнения своего долга. Хочу защитить его доброе имя, всё его достояние и жизнь. Думаю, что мои аргументы должны показаться вам столь же обоснованными для оправдания.

Недовольные выкрики зрителей смолкли, конец речи Цицерона встречали рукоплесканиями.

После ряда подобных процессов с участием Марка к нему за адвокатской помощью стали обращаться люди с необычными просьбами. Встречались такие, кого он недавно привлекал к суду за измену отечеству, заговоры. Он имел право отказаться, но защищал их, что приносило ему глубокое профессиональное удовлетворение. Но в судебных заседаниях с таким же пылом говорил он вещи, обратные прежним своим речам и убеждениям. Однажды среди клиентов Марк узнал человека, которому заговорщики Катилины поручали убить его. Он взялся и ему помочь! Когда друзья внушали ему, что немисливо быть защитником заговорщиков, он будто не слышал. Продолжал быть адвокатом обвиняемых, объясняя самым несговорчивым друзьям со сдержанной улыбкой:

– Делаю так по мягкости своего характера. А если я выносил им приговоры, то на самом деле скрепя сердце и боясь гражданской резни. Сейчас же, когда беда миновала и я с радостью сбросил с себя суровые обязанности консула, во мне опять объявился адвокат, который обязан защищать всех, кто нуждается во мне.

Тайное и явное

Предчувствие не подвело Марка Цицерона. По окончании консульской службы, которую он оценил для себя и отечества успешной, политическая ситуация оборачивалась не в его пользу. Как случается в суетном обществе со сложной демократией, побеждённые затребовали пересмотра результатов деятельности консула. Но если раньше препятствия в делах и неудачи заставляли Марка активно мыслить и действовать, осознание того, что Фортуна поворачивается к своему любимцу спиной, отражалось на настроении. Он вовсе упал духом...

Как предполагалось, продолжатели дела уже мёртвого Катилины затаились в ожидании подходящего момента. Они выискивали любой повод встретиться с римлянами на Форуме, Марсовом поле и народных сходках, чтобы под понятными всем призывами к улучшению жизни простонародья лишней раз напомнить о себе как о противниках действующей власти. Они возбуждали в народе протестное настроение, направленное прежде всего против почти обожествлённого «Спасителя Отечества» Марка Цицерона. По Риму ползли слухи, что казнённые по его инициативе главные заговорщики Лентул, Цетег, Габиний, Статилий и Цепарий оклеветаны, а ведь они могли оправдаться по закону. Но консул нарушил закон и настоял на казни, заставив сенаторов голосовать по его воле. У преступников, приговорённых к смерти, имелся шанс избежать судебной ошибки подачей апелляции к Народному собранию. Но этого не произошло, что явилось грубейшим нарушением законодательства в отношении прав свободнорожденных граждан Рима.

С этого всё и началось. Первым публичным обвинителем Марка Цицерона оказался трибун Квинт Метелл – родственник бывшего наместника Сицилии Луция Метелла. После известного процесса над Верресом представители семьи Метеллов имели к консуляру своё отношение. Квинт Метелл начал наступление исподволь, предъявляя претензии к исполнению Цицероном должностных обязанностей, намекая на превышение полномочий. Позволял резкие выпады, осуждая казнь участников заговора Катилины, *катилинариев*. Осознавая опасность дальнейших действий противников в этом направлении, Цицерон обращался за поддержкой к Гнею Помпею. Но, облечённый диктаторскими полномочиями на Востоке, главнокомандующий отмалчивался. Не решался принимать чью-либо сторону. Марк попытался примириться с противником, действуя дозволенным среди политиков методом – через женщин. Обратился к жене Помпея, Муции, сводной сестре Метелла, затем к Клодии – жене брата Квинта. Но встретил равнодушный отказ...

Марк собрался обратиться к римлянам на Форуме, но Метелл, пользуясь правом трибуна, поспешил запретить. Объяснил тем, что гражданин Цицерон намерен возбуждать толпу к неповиновению должностному лицу. После перепалки в Сенате с трибуном Марк всё-таки добился разрешения выступить перед народом, но «только для произнесения возможной в подобных случаях клятвы верности республике». В тот день со свойственным ораторским искусством Марк превратил произнесение клятвы в страстную речь, в которой напомнил о своей роли в подавлении смертельно опасного для Рима заговора. Он добился восторженного одобрения римлян, потребовавших от трибуна прекращения гонения на любимого консуляра.

Неугомонный трибун не пожелал сносить неудачу, вновь ораторствовал на *конциях*, народных сходках, формируя общественное мнение по-своему. Но Цицерон успешно отражал яростные нападки трибуна и добился того, что в Сенате его поддержал Катон Младший. Сенаторы приняли постановление, осуждающее «всякого, кто попытается требовать отчёта от участников казни катилинариев, иначе он будет объявлен врагом государства».

Метелл обратился за поддержкой к Гаю Юлию Цезарю, на тот момент «великому понтифику». И не зря...

* * *

В шестнадцатилетнем возрасте Гай Юлий Цезарь потерял отца. Честолюбивый юноша начал карьеру с должности *фламина* Юпитера – жреца главного римского бога. Но должность фламина предназначалась юным патрициям, а мать Цезаря происходила хоть и из древнего, но плебейского рода. Чтобы исправить «ошибку», он в семнадцать лет «по любви» женился на Корнелии, дочери консула Луция Цинны, второго человека в Риме после Суллы. Невесте не исполнилось и двенадцати лет. Должность фламина стала свадебным подарком зятю от влиятельного тестя.

Фортуна отвернулась от Гая Цезаря во время диктатуры Суллы. Цинна приходился дальним родственником Гаю Марию, а значит – сторонником республиканцев, вследствие чего он оказался непримиримым врагом абсолютной власти. Цинну убили собственные легионеры во время бунта, а Сулла, присматриваясь к молодому командиру всадников Гаю Юлию Цезарю, велел ему развестись с Корнелией. На тот момент многие римляне поспешили отказаться от «неудобных» родственных связей. Цезарь думал недолго, наотрез отказавшись от мысли расстаться с любимой женой, к тому же родившей ему замечательную дочь Юлию. Даже страх перед расправой по воле Суллы не вынудил изменить решение, после чего последовали обещанные репрессии: его лишают должности фламина, родового имущества и приданого Корнелии. В окружении диктатора имя непокорного Гая Юлия Цезаря уже обсуждалось для внесения в смертельные списки, *проскрипции*.

Богатые родственники обратились за помощью к весталкам. По древней традиции, жрицы девственной богини Весты имели огромное влияние на правителей. Они имели законное право требовать помилования обратившихся к ним преступников, осужденных на смерть. Поначалу Сулла и слышать ничего не хотел, отказал главной весталке. Самая уважаемая в Риме жрица настаивала, ссылаясь на нерушимость римского брака – священного таинства и опоры государств. Диктатор не стал сопротивляться, но с раздражением воскликнул:

– Получай своего Цезаря! Но знай: тот, о чьём спасении ты так стараешься, когда-нибудь станет погибелью для дела *оптиматов*, которое я так настойчиво отстаиваю. Вспомните меня: в одном Цезаре таится много Мариев!

Получив известие о «прощении», Цезарь оставил тайное укрытие, где прятался все дни. Осознавая шаткость собственного положения, в одежде простолюдина ночью исчез из города. Долгое время скрывался в сабинском племени на севере Италии, переболел лихорадкой, едва не попался в руки убийц, всё же подосланных сторонниками Суллы. Удачно откупился и, добравшись до моря, отплыл на корабле в Вифинию к понтийскому царю Никомену. Атлетически сложенный юноша с мужественным лицом пришёлся ко двору царя Никомена; недоброжелатели Цезаря позже отзывались о нём, как о «подстилке Никомена».

Двадцатилетний Гай Юлий Цезарь вернулся в Рим в 79 году до н. э., когда Корнелий Сулла отказался от диктаторских привилегий. Римляне молчали вслед человеку, бывшему «бессрочным всевластным правителем» столько лет. Одного слова его боялись все – мирные граждане и полководцы, по воле его рушились государства и гибли народы. Уходящему в историю диктатору вслед уже не раздавались аплодисменты и не слышались восторженные слова – только тихие проклятия. Лишь молодой человек, высокий и худощавый, пошёл вслед за Суллой, не отставая всю дорогу. Он громко обвинял шестидесятилетнего старика в злодеяниях, выкрикивал упреки и угрозы. Несмотря на сопровождавших телохранителей, Сулла на поношение не реагировал, вёл себя так, словно не слышит ничего унижительного для себя. На пороге своего дома обернулся и произнёс с укоризной:

– Когда я вознамерился убить тебя, Гай Цезарь, твои любовницы убедили сохранить тебе жизнь. А я им говорил, что в тебе сидит много мариев. Римляне ещё пожалеют, что я так поступил с тобой.

* * *

Кажущееся спокойствие в римском обществе продержалось недолго. Метелл поставил цель устранить из политики яростного защитника республики и законника – Марка Цицерона. Цезарь стремился не допустить сближения Помпея с Сенатом. Ослабив влияние сенаторов на государственное управление, обоим лидерам нетрудно будет захватить власть над Римом.

Пока Помпей Великий победоносно завершал войну на Востоке, различные политические группировки в Риме возлагали на него надежды сообразно своим сословным интересам. Главнокомандующий войсками всем казался «сильной рукой», каждый призывал его в Рим, сохранив военную силу. Когда Метелл изложил свой законопроект о возвращении Помпея, а Цезарь поддержал, сенаторы возмутились. Понимали, что в таком случае ослабевают их роль в управлении, статус в римском обществе. Первым, кто выступил с резким протестом, был Катон, ставший народным трибуном. Его ссылки на законы предков и традиции оказались убедительны, доводы разумны. Когда же ему попытались помешать говорить, бледнея от гнева, воскликнул:

– Пока я жив, Помпей с войсками не войдёт в Рим!

В тот момент сенаторам показалось, что Катон явно не в своём уме. Что означали слова «пока я жив» и «Помпей с войсками не войдёт в Рим»? Кто помешает прославленному военачальнику совершить то, чего он захочет? Катон один собирается встать преградой в воротах города? По крайней мере если не грустно, то смешно...

Цезарь и Метелл призвали римлян на Форум, чтобы заручиться «народной поддержкой». В Риме заговорили об опасности для трибуна Катона.

Накануне друзья Катона у него дома обменивались новостями, все – неутешительные. Цезарь нанял подозрительных людей, вооружил их; они повсюду. Выслушав, Катон спокойно заявил:

– Завтра я отправлюсь на Форум.

Друзья обступили, запрещали даже думать об этом. Женщины сильно переживали. Рыдали, визжали и хватали за одежду. Катон переносил все их проявления сдержанно, затем вырвался из объятий и объявил, что пора спать.

Друзья долго не расходились, спорили, как уберечь Катона. К согласию не пришли, в полночь отправились по домам. Когда через какое-то время жена заглянула в спальню, заметила, что муж спит крепко.

Едва над Римом забрезжил рассвет, в дом постучался трибун Мануций Терм, восторженный поклонник Катона. Вместе позавтракали и ушли под женские причитания. К Катону с Мануцием присоединились несколько их друзей.

Продвигались в направлении Форума, пока с удивлением не заметили людей, бегущих навстречу. Все в ужасе кричали, что убивают людей. Хватали за руки Катона и Мануция, призывали:

– Назад! Назад! Не ходите туда! Там – ужас!

Трибуны вместе с сопровождавшими друзьями продолжили путь сквозь перепуганную толпу. Неожиданно Мануций остановился, наверное, засомневался в необходимости своего «подвига», но Катон схватил его за руку и потащил за собой, хотя тот упирался.

Когда они добрались до места, увидели ужасную картину. В центре Форума возвышался храм Кастора, куда вели широкие каменные ступени, занятые... гладиаторами с мечами! Выше их на складных креслах расположились Цезарь и Метелл, довольные собой, уверенные в соб-

ственной безнаказанности. Катон попытался пройти через ряды гладиаторов, но встретил отпор. Он глянул наверх, увидел улыбающегося Цезаря, крикнул:

– Ты набрал целое войско против одного безоружного человека! Римляне, вы только посмотрите на этого наглого труса!

Повернулся к гладиаторам и решительно произнёс:

– Мы – трибуны, мы приказываем вам пропустить нас на собрание!

Охранники в ожидании распоряжения замешкались, ничего не услышав, пропустили одного Катона. А он сумел затащить за собой Мануция. Друзья трибунов попытались просочиться вслед, но не смогли, и после чего с опаской наблюдали за развитием событий со стороны.

Катон решительно приблизился к Метеллу и Цезарю. Они напряглись, не зная чего ожидать. Он же... занял кресло между ними. Толпа, наблюдавшая с придыханием снизу, зааплодировала, поддерживая любимца.

Метелл открыл собрание и тут же поручил секретарю огласить законопроект об ограничении полномочий Сената. При первых словах трибун Катон крикнул: «Вето!», означавшее прекращение дальнейшего обсуждения. Законопослушный секретарь замолчал. Метелл немедленно отобрал свиток и сам начал громко читать. Катон выхватил у него свиток, но Метелл начал говорить текст по памяти. Неожиданно Катон зажал ему рот рукой, после чего, по знаку Цезаря, гладиаторы набросились на трибуна, опасно размахивая мечами. Мануций вскинулся помешать, но его с силой бросили наземь. Друзья Катона и его сторонники наблюдали за происходящим, не предполагая, чем всё закончится...

По счастливому стечению обстоятельств во время потасовки на Форуме появился консул Мурена с положенными ему по закону двенадцатью вооружёнными *ликторами*. Оценив смертоубийственную ситуацию, он, сам храбрый воин, бросился выручать Катона. Его ликторы немедленно отгнали гладиаторов, и Мурена сумел добраться до Катона. Прикрывая трибуна собой, втащил его, едва живого и оглушённого ударами, в храм Кастора, куда гладиаторы не отважились войти. Главное в этой истории заключалось в том, что несколько месяцев назад Катон привлекал к суду Мурену за преступление против закона.

На этом собрание не закончилось. Метелл с Цезарем решили, что противники потерпели поражение, и распорядились, чтобы принесли урны для голосования. Затем «призвали оставшийся народ свободно подавать голоса».

События этого страшного дня развивались следующим образом. Римляне, бежавшие утром с Форума, увидев, как их любимец Катон с риском для жизни борется за справедливость, одумались и вернулись. С криками негодования набросились на вооружённых мечами гладиаторов, несмотря на то что в руках у самих отсутствовали даже палки. Праведный народный гнев победил – гладиаторы бросились наутёк, а вместе с ними отступили Цезарь и Метелл.

Возбуждённые победой римляне добрались до храма Кастора, откуда вызволили едва не убитого Катона. От побоев и ушибов трибун едва стоял на ногах, но, пересилив себя, с помощью друзей поднялся на ростры и заявил оттуда уверенным голосом:

– Римляне, будьте тверды в своей правоте – и вы сокрушите любое зло!

Народ в восторге слушал бесстрашного трибуна. На другой день Метелл и Цезарь привели с собой на заседание в Сенат вооружённых людей, приверженцев и гладиаторов, что представлялось серьёзнейшим нарушением закона. У входа, затем в зале завязывались потасовки, грозившие кровопролитием. Заседание не состоялось, сенаторы поспешили разойтись по домам, но вскоре вернулись, облачённые в тёмные траурные одежды. Консулам немедленно вручили чрезвычайные полномочия, что дало право отрешить Метелла и Цезаря от государственных должностей и отправить «под домашнее сидение». Подумав, нарушители общественного спокойствия разумно «ушли в тень», подобно змее, накапливающей яд для смертельного броска...

* * *

Убедившись в посрамлении противников, Марк вернулся к тому, что считал своим непосредственным делом, к чему относился с любовью – к адвокатуре. Одним из значительных для него событий в этот период стал процесс Публия Корнелия Суллы, племянника умершего диктатора. Он обвинялся в том, что пять лет тому назад принимал участие в так называемом «первом заговоре Катилины», участники которого стали известны только сейчас. Цицерон неожиданно согласился на защиту, рассказывая всем, что ему как адвокату показалось «забавным» на этот раз представляться не государственным обвинителем. Он блестяще справился с поручением своего клиента, после чего друзья узнали, что Марк «занял» у Публия Суллы... два миллиона *сестерциев*! А вот отдал ли когда-нибудь долг – до сих пор никто не знает...

Глава пятая. Знакомство с Клодиями

Порочная красавица

Элитный район на Палатинском холме издревле осваивался богатой римской знатью, аристократами. Отсюда – незаурядная архитектура домов, привлекательные фасады, роскошная отделка и обустройство садов и роцц. В последнее время стали появляться собственники с невнятными родословными и подозрительными доходами. Старые домовладельцы с подозрением поглядывали на «новых римлян», игнорируя общение с ними и не теряя бдительности.

Марк Цицерон не был исключением, поселившись рядом с роскошными владениями Метелла Целера. Сосед не увлекался политикой, но прославился в должности народного трибуна, когда привлёк к суду предводителя всадников Эмилия Лепида за злоупотребления в должности пропретора Сицилии. Пути обоих пересеклись в процессе Гая Рабирия, которого защищал Марк Цицерон. Целер распустил Народное собрание – закон позволял, – предотвратив вынесение подкупленными судьями смертного приговора. В заговоре Катилины поддержал консула Марка Цицерона, отправившись с войском добровольцев блокировать горные проходы, чтобы помешать мятежникам перейти через Апеннины в Галлию. Но при встречах Метелл Целер особого дружелюбия к Цицерону не проявлял, пожалуй, из-за своей необщительности. С досады Марк написал Аттику: «...Метелл Целер не человек, а камень, кусок меди, совершеннейшая пустота...»

Марку нечасто, но приходилось видеть рядом с домом Целера молодую красавицу, его жену Клодию. «О ней говорил весь Рим». Супруг отдавал предпочтение тишине, душевному покою и домашнему уюту, а она любила ночную жизнь и шумное общество поклонников, которым виртуозно кружила головы. Появляясь на улице, красавица сразу оказывалась в окружении восторженных молодых людей, готовых отдать жизнь за счастливые мгновения с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.